ИСПАНСКАЯ ЛЕГЕНДА

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Испанская легенда

«Эксмо»

2008

Полякова Т. В.

Испанская легенда / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2008 — (Авантюрный детектив)

ISBN 978-5-699-31672-4

В их роду из поколения в поколение передавалась старинная испанская легенда. Настолько ужасная, что поверить в нее невозможно. Никто и не верил! Никто, кроме матери Изабеллы. Но семья Изабеллы Корн погибла, когда ей было пять лет, а дядя, который взял на воспитание девочку, не спешил рассказывать ей жуткое преданье. И вот Изабелле исполнилось двадцать, и жизнь в одночасье превратилась в кошмар. В ночь перед свадьбой лучшей подруги Вики киллер убил и ее и всю семью. Следующим в списке жертв оказался предполагаемый заказчик, а затем Викин жених. И все эти смерти невидимой нитью связаны с Изабеллой. Тут не захочешь, а поверишь, что начало сбываться страшное многовековое пророчество...

ISBN 978-5-699-31672-4

© Полякова Т. В., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Татьяна Полякова
Испанская легенда

Любовь – это то, против чего у дьявола нет оружия… если только он сам не вооружится любовью.
П. Крусанов. «Укус ангела»

* * *

Мальчик завороженно смотрел на руки своего отца, большие сильные руки с рыжеватыми волосами. Сейчас они были в крови, и казалось, что руки покрыты странными узорами. Еще казалось, что это вовсе не руки, а лапы зверя. Только вряд ли найдется зверь, способный орудовать ножом. А в кулаке отца был зажат нож.

– Убивать легко, – тихо сказал отец и улыбнулся, потом засмеялся, откинув назад голову, и повторил еще тише, почти шепотом: – Убивать легко. – И протянул мальчику нож.

Тот неуверенно взял его, отцовская рука легла сверху и стиснула его ладонь.

– Легко, – прошептал мальчик, но в его голосе слышалась неуверенность. Ему было всего семь лет, он любил своего папу и верил ему, но сейчас сомневался в его словах. Мальчик решил, что отец рассердится на него за это, но тот лишь улыбнулся, ослабил хватку и легонько подтолкнул сына вперед. И тот наконец увидел то, от чего все это время старательно отводил взгляд. Человеческое существо, лежавшее на столе, застеленном черной пленкой. Истерзанное до такой степени, что невозможно было определить: мужчина это или женщина. «Женщина, – догадался мальчик. – У мужчин не бывает таких длинных волос».

На мгновение он подумал о матери, и что-то похожее на тоску охватило его, он испуганно смотрел на отца, тот ободряюще улыбнулся, рука мальчика с зажатым в ней ножом вроде бы сама собой поднялась, а потом опустилась. Один раз, второй, третий. Жертва не издала ни звука, лишь однажды дернулась и затихла. Капля крови упала на безукоризненно белую рубашку мальчика, он поморщился брезгливо, отбросил нож и с какой-то обидой подумал: «Легко». Отец подмигнул ему и сказал:

– О рубашке не беспокойся. Мама ничего не узнает.

Корреспонденция не умещалась в почтовом ящике, газеты торчали из него во все стороны, стоило мне открыть дверцу, как они разлетелись по каменному полу питерской парадной. Я быстро собрала их и сунула в боковой карман чемодана, чтобы потом отправить это в мусорный ящик.

Подхватив чемодан, я поднялась на второй этаж, с трудом нащупала ключи в объемистой дамской сумке, отомкнула замок и вошла в просторный холл. Квартиру я делила с двумя студентками. У каждой из нас была своя комната, но большую часть времени мы проводили на кухне, которую торжественно именовали гостиной.

Кухня была довольно большой, и, помимо обшарпанного гарнитура, здесь умещались диван, кресло, круглый стол, который мы с Риткой обнаружили во дворе дома рядышком с контейнером для мусора и приволокли сюда, и четыре венских стула, подаренные нам соседями из квартиры напротив. Они только что сделали ремонт и старенькие стулья собирались выбросить за ненадобностью.

Была еще тумбочка и телевизор на ней, телевизор, кстати, новый, купленный в складчину на заработанные на недавних выборах деньги.

С квартирой мне повезло. Можно сказать, мне вообще везло все четыре года, что я жила в Питере. Первое и самое большое везение: я легко поступила в университет. Пока сдавала экзамены, успела подружиться с двумя девчонками, с которыми теперь делю эту квартиру. Двоюродная сестра одной из них пять лет назад вышла замуж за парня лет на десять ее старше, парень был со средствами. Он купил квартиру, бывшую коммуналку. Собирался заняться ремонтом, но, когда сподобился, семейная жизнь успела дать трещину, последовал развод и раздел имущества. Квартира стала собственностью Машки, однако ни одного дня она здесь не жила. Вскоре после развода выяснилось, что она беременна, и Машка уехала в Выборг к родителям. Сейчас ребенку уже три года, и Машка намеревается вернуться в Питер, но так как ее сборы длятся уже больше года, мы не очень-то рассчитываем увидеть ее в ближайшее время. Чтобы за квартирой кто-то присматривал, Машка поселила в ней свою двоюродную сестру, а две комнаты решила сдавать. Ритка предложила нам с Ольгой здесь поселиться, и мы с радостью согласились. Плата была по питерским меркам невелика, а жить втроем куда веселее.

Выглядела квартира, когда мы здесь поселились, довольно скверно: ободранные обои, битая плитка в туалете и вездесущие тараканы, но теперь жилище стало уютным, чем мы очень гордились. Плитку, правда, выкладывали знакомые ребята, зато белили потолки и оклеивали стены мы сами.

Сейчас двери всех трех комнат были распахнуты настежь, а я поспешила открыть окна: квартира успела так прогреться, что больше напоминала сауну. Девчонки уехали две недели назад: Ритка – в Выборг, Ольга – в Псков. Вернутся только к началу занятий.

Поставив на плиту чайник, я вкатила чемодан в свою комнату и начала распаковывать вещи. Целый месяц я провела в Испании у родственников, загорела, набралась впечатлений и даже едва не влюбилась… Жаль, нет девчонок, некому рассказать о своих приключениях. Я усмехнулась. Обычное дело, стоит только вспомнить испанскую родню. Когда я впервые к ним приехала, мне было шесть лет. Временами мне кажется, что с тех пор ничего не изменилось. Для них я по-прежнему девочка с косичками, за которой нужно постоянно приглядывать. Увидев меня на прошлой неделе рядом с молодым человеком, тетя схватилась за сердце, бормоча «ты с ума сошла», а дядя заявил, что о парнях мне думать рано. Слава богу, у парня хватило сообразительности больше не показываться возле нашего дома. Только я собралась влюбиться, решив, что это необычайно украсит мои каникулы, как ухажер позвонил и смущенно сказал, что уезжает к брату до конца лета. Если честно, не очень-то меня это удивило, с парнями мне всегда не везло. Знакомых пруд пруди, но до серьезных отношений дело не доходило, и виновата в этом я сама.

В Питере у меня тоже когда-то был молодой человек, и он так же внезапно исчез, вообще ничего не объяснив.

Прошло два года, а я при воспоминании о былом возлюбленном вновь ощутила печаль. Вот уж верно говорят: первая любовь долго не забывается. Или старая? Какая разница, если ее больше нет.

Не спеша я выпила чаю, прикидывая, что следует сделать. Билет у меня заказан, до отлета еще восемь часов. Успею заплатить за квартиру и пробежаться по магазинам. Я вернулась в холл и на всякий случай просмотрела корреспонденцию, не надеясь обнаружить что-то интересное. Между двух газет лежали квитанции за коммунальные услуги и телефон. Я отложила их в сторону, скомкала рекламные буклеты, тряхнула газетой. Из нее выпал розовый конверт с нарисованным в углу сердечком. Физиономия моя расплылась в улыбке. Так и есть. Приглашение от Вики.

Приглашение на свадьбу было стандартным: мое имя выделено красным шрифтом, указаны дата и время бракосочетания, а внизу приписка от руки: «Жду тебя с нетерпением».

– Скоро увидимся, – вслух сказала я и вздрогнула от неожиданности: зазвонил телефон. Он стоял в холле на тумбочке, где я разбирала корреспонденцию. Я поспешно сняла трубку и услышала Викин голос.

– Почему у тебя мобильный не работает? – возмущенно спросила она.

– Забыла включить после посадки.

– Значит, ты все еще дома? Только не говори… – начала она, а я, смеясь, перебила:

– Завтра буду у тебя.

– Завтра? – ахнула она.

– Самолет приземлится в 23.30. Надо еще добраться до твоего дома. Значит, завтра.

– Мы тебя встретим.

– Необязательно.

– Я соскучилась. И мне надо столько всего тебе рассказать…

– Представляю.

– А как твой Диего? – Вика некстати вспомнила моего несостоявшегося возлюбленного.

– Уехал к брату, наверное, был очень занят, потому что больше ни разу не звонил.

– По-моему, это странно. Мужики должны по тебе с ума сходить.

– Наверное, у них на этот счет свое мнение, – усмехнулась я.

– И все-таки странно. Все было прекрасно, и вдруг он уезжает и больше не звонит. Должна же быть причина.

– Должна. Он, похоже, решил, что я вовсе не так хороша, как ему казалось вначале.

– У тебя с ним что-то было?

– Ты уже спрашивала.

– Значит, не было? Тогда вообще странно. Я еще понимаю сбежать «после», но «до»… А ты ему сама звонила?

– Нет.

– Ну, так позвони.

– Зачем?

– А вдруг с ним что-то случилось?

– Уверена, что так и есть. Он встретил девушку получше…

– И все-таки…

– Вика, – засмеялась я. – Через несколько часов мы увидимся, зачем тратить деньги на болтовню по телефону?

– Могу себе это позволить. Я девушка не бедная и выхожу замуж за богатого мужчину.

– Повезло, – вздохнула я.

– Не прикидывайся. Я знаю, по крайней мере, четырех парней, которые ждут твоего приезда с большим нетерпением.

– Значит, и мне повезло.

Вика весело фыркнула.

– Ладно, жду тебя. Счастливого пути.

Я повесила трубку, улыбнулась своему отражению в зеркале. Ждут меня в родном городе друзья детства: Толик и Кеша. Третий, должно быть, Сережка, жених Вики, а кто четвертый? Ладно, разберемся. Я взяла газеты, с намерением отправить их в мусорное ведро, и вот тогда заметила еще один конверт. Желтый конверт из плотной бумаги, на котором было напечатано «Изабелле». И больше ничего. Ни штемпеля, ни адреса. Только мое имя.

Пожав плечами, я надорвала конверт и достала открытку. Рисунок в духе фэнтези. Обнаженная прелестница с длинными светлыми волосами в объятиях монстра: то ли инопланетянин, то ли просто урод. Лапы с длинными когтями, шипастая спина и перепончатые крылья. Хвост, конечно, тоже имелся в наличии.

– Гадость какая, – поморщилась я, не оценив идею художника. Перевернула открытку и прочитала: «Я тебя жду».

Секунд тридцать я смотрела на надпись, прикидывая, кому пришла в голову мысль прислать мне такую открытку. Типов с явными признаками идиотизма вспомнить не могла, впрочем, психи иногда успешно маскируются.

– Ну, жди, жди, – проворчала я. Тут взгляд задержался на прелестнице, и я нахмурилась. У девицы на открытке было мое лицо. Конечно, в наше компьютерное время это не проблема. Однако шутка потребовала у кого-то времени и теперь, по неведомой причине, вовсе не казалась мне такой уж безобидной. – Гадость, – повторила я, поспешно разорвала открытку и сразу почувствовала облегчение.

Взяла сумку и покинула квартиру. Спускаясь по лестнице, подумала: «Он знает мой адрес». Он – это тот, кто прислал открытку. Он? Конечно, он. Хотя если это дурацкая шутка, почему он, а не она? Однако возможные женские кандидатуры были отметены сразу. Впрочем, и среди знакомых мужчин шутник не вырисовывался.

На двери подъезда был домофон, но, конечно, войти сюда не проблема. Оказавшись на улице, я подумала со странным облегчением: «Хорошо, что я сегодня уезжаю». И в самом деле, мысль оказаться в эту ночь одной в квартире была не то чтобы пугающей, но неприятной точно. Трудно поверить, что на меня так подействовала открытка, ведь я-то была убеждена, что запугать меня нелегко. Да и не было в открытке угрозы, только сообщение, что некто меня ждет.

И тут в голову пришла мысль, вызвавшая легкую панику. Я бросилась назад в квартиру. Захлопнула дверь, прошла на кухню и достала обрывки открытки из мусорного ведра. Сходила в свою комнату, нашла тюбик с клеем и, устроившись на кухонном полу, наклеила обрывки на газету. Потом направилась в ванную, на ходу стаскивая с себя майку, джинсы, бюстгальтер, замерла напротив зеркала в той самой позе, что и девица на открытке, перевела взгляд на склеенный коллаж, который пристроила рядом с зеркалом, и громко сказала:

– Черт… что за черт…

Не только наши физиономии были подозрительно похожи. Я могла поклясться, что на открытке запечатлена я во всей красе, как говорится. Мне никогда не приходило в голову фотографироваться нагишом, значит… можно сколько угодно повторять «черт», понятнее ситуация не станет.

– Спокойно, – пробормотала я, продолжая разглядывать изображение. – Вовсе не обязательно, что меня фотографировали голой.

Я могла быть в купальнике. На компьютере нетрудно убрать то, что считаешь лишним, запустив специальную программу. Что это у меня за странная поза? Почему странная? Я могла с кем-то обниматься, просто дурачась. За время отдыха обычно набирается альбом всяких фотографий. Шутник явно кто-то из моих знакомых. Ему показалась забавной идея… Я пригляделась к клыкастой роже на открытке, всерьез надеясь узнать шутника. Пустое дело. Просто мерзкая рожа, и никаких тебе ассоциаций. А вот поза, в которой монстр обнимал красавицу, похотлива до отвращения. Чудовище из параллельного мира? Хотя есть еще один вариант. Перепончатые крылья, горящий взгляд… Дьявол. Владыка преисподней, вот кто меня ждет. Ни много ни мало.

– Надо быть скромнее, – фыркнула я. – Узнаю, чья шутка, надаю по шее.

Я вторично разорвала открытку и выбросила в мусорное ведро. Оглянулась в растерянности, будто не могла понять, что я делаю на кухне, да и в этой квартире тоже. Провела рукой по лицу.

Странное дело, хотелось забрать чемодан и сразу отправиться в аэропорт. Вот уж глупость. Я взяла сумку и вышла прогуляться по магазинам. Через три с половиной часа я вернулась и вызвала такси. Перед отъездом вынесла мусор на помойку, хотя ничего, кроме сегодняш-

ней корреспонденции, в пакете не было. Мне была неприятна мысль, что открытка, точнее, ее обрывки будут находиться в доме.

В родной город можно было добраться поездом, но я предпочла самолет. Это дороже, зато быстрее. Послезавтра у Вики свадьба, дел предстоит много. Дабы чего-нибудь в суматохе не забыть, я составила список, стоя в очереди на регистрацию. Всего набралось двадцать пунктов, и я вздохнула, сообразив, что день завтра выдастся хлопотный.

Вика первой из моих подруг выходила замуж, оттого событие это очень меня волновало. Она познакомилась с Сергеем в новогодние праздники, в самолете, когда возвращалась домой из Праги. Вика утверждала, что была так пьяна, что парня совершенно не запомнила. Но на следующий день он позвонил, и она решила с ним встретиться, хотя не могла ничего о нем вспомнить. И была поражена, обнаружив красавца двадцати шести лет на дорогущей «Ауди». Впрочем, вовсе не предполагаемое богатство кавалера произвело впечатление на мою подругу. Фамилия ее отца значилась в списках крупнейших предпринимателей области, и машины представительского класса у нее не было только по одной причине: «Фольксваген»-«жук» желтого цвета с обивкой в красно-желтую клеточку был гораздо ближе ее душе. Сергей оказался милым, веселым и покладистым человеком и, что немаловажно, был твердо убежден: в этой жизни всего следует добиваться самому. Машину ему подарили родители на двадцатипятилетие, но в остальном он был от них совершенно независим. Вика быстро поняла, какое сокровище ей бог послал, и не замедлила влюбиться. Само собой, Сергей буквально потерял голову от моей подружки и через три месяца сделал ей предложение. Его отец оказался знакомым ее отца, новость была воспринята на «ура» обоими семействами, стали готовиться к свадьбе, и вот наконец послезавтра она состоится. Приглашения разосланы ста восьмидесяти трем гражданам. В общем, зрелище обещает быть величественным. Мне отводилась роль свидетельницы, сценарий торжества я получила по электронке и собиралась во время перелета еще раз прочитать его и сделать для себя шпаргалку.

Однако от этой идеи пришлось отказаться. Мой сосед, нетрезвый тучный мужчина, сразу после взлета заснул и принялся храпеть. Его голова то и дело скатывалась на мое плечо, что не способствовало концентрации внимания. Сообразив, что бороться с храпом и неприкаянной головой соседа мне не по силам, я устроила башку дядьки на подушку, положив ее себе на плечо, надела наушники плеера и весь перелет слушала музыку. Наконец самолет зашел на посадку, и в иллюминаторе далеко внизу я увидела огни родного города. Они приближались, и теперь я различала центральный проспект и улицы, расходящиеся от него в стороны, темные прямоугольники парков, освещенный мост и сверкающую отраженными огнями набережной ленту реки.

– Привет, – сказала я с улыбкой. – Давно не виделись.

Пробираясь к выходу из аэровокзала, я высматривала Вику в толпе встречающих, и тут меня окликнули:

– Белка…

Именно так называли меня друзья детства. Я оглянулась и в нескольких шагах от себя обнаружила Толика Полянского, он смеялся, широко раскинув руки, и через мгновение принял меня в объятия.

– Узнал от Вики, что ты прилетаешь, и примчался встречать, – сообщил он.

– Зря беспокоились, – поцеловав его, сказала я. – Сама бы добралась.

– На самом деле я ужасно соскучился, – все еще не выпуская меня из объятий, сказал Толик. – Полгода не виделись, нет, больше. Дай посмотрю на тебя. – Он отстранился, держа меня за руку, окинул взглядом и удовлетворенно кивнул: – О-обалденно выглядишь. Как там испанские мачо, проходу не давали?

– Не поверишь, но даже тот единственный, кого мне удалось подцепить, в конце концов сбежал.

– Должно быть, чокнутый. Ты слишком красива, – добавил он. – Некоторых мужиков это пугает.

– Ага. Мне попадаются сплошь пугливые.

– Не переживай. На худой конец, у тебя есть я. Не бог весть что, конечно, но все же…

Мы засмеялись, Толик подхватил мой чемодан, и мы пошли к выходу. Толика я знаю всю свою жизнь. Он старше меня на семь лет и хотя только что охарактеризовал себя как «не бог весть что», на самом деле, конечно, скромничал и смело мог претендовать на звание «Мистер Самое То». Выше среднего роста, со светло-карими глазами, которые на солнце приобретали желтоватый оттенок и походили на кошачьи. Каштановые кудри до плеч и голливудская улыбка. Прибавьте к этому хорошее воспитание и умение зарабатывать деньги. После окончания университета он два года трудился в частной фирме, затем открыл собственное дело, которое теперь процветает. В общем, Толик заслуживал того, чтобы девушки влюблялись в него безоглядно. Наверное, я бы так и сделала, если бы не привыкла видеть в нем друга. Если угодно, старшего брата. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы я стала относиться к нему иначе, да и он, хоть и любил подшутить надо мной, уверяя, что я вскружила ему голову еще в возрасте трех лет, испытывал ко мне исключительно дружеские чувства.

За то время, что мы не виделись, Толик набрал несколько лишних килограммов и теперь выглядел солидно, как и положено преуспевающему бизнесмену. Единственное, чему он так и не научился, так это носить костюмы. Сейчас на нем были светло-голубые джинсы, протертые на коленях до дыр, и футболка канареечной расцветки, и он с ходу начал жаловаться, что на свадьбу Вики придется надеть костюм, и строил уморительные рожи.

Машина его стояла недалеко от входа, новенький «Мерседес». Я ахнула, а Толик просиял:

– Нравится?

– Еще бы.

– Мне тоже. Взял в кредит. Идиотизм, конечно, но желание было сильнее здравого смысла.

– Деньги надо тратить с удовольствием, – отмахнулась я.

– Хорошо, когда они есть, – засмеялся Толик, убирая мой чемодан. – Хочешь порулить? – расплылся он в улыбке.

– Ты серьезно?

– А то как же… моя любовь к тебе не знает границ.

Я взвизгнула, поцеловала его и села за руль.

– Какие новости в городе? – задала я вопрос, выезжая с парковки.

– Главную ты знаешь: Викуся выходит замуж. Серега приятный парень, компании не испортит. Хотя, если честно, последнее время мы видимся редко. Дела, знаешь ли, у всех дела. Настю видел три недели назад, Кешку еще раньше. По-моему, только тебе удается нас всех собрать.

– А я-то вам завидую…

Толик немного помолчал с серьезным выражением лица и кивнул:

– Наверное, так оно всегда и бывает. Девчонки выходят замуж, парни заняты своими делами… Да, у Кешки книга выходит.

– Вот как?

– Ага. По-моему, уже вышла. Кажется, в конце июня.

– Он нашел издательство?

– Вроде того.

– Что значит «вроде того»? – переспросила я.

– Вообще-то он издал ее за свой счет, то есть на спонсорские деньги.

– А спонсор, разумеется, ты?

– Чего ты ухмыляешься? – отмахнулся Толик. – Для чего еще нужны друзья?

– Ты книгу читал?

– Нет. Но прочту обязательно. А вот о моем участии в ее издании забудь, пожалуйста. И постарайся найти в шедевре нашего друга что-нибудь положительное.

– Найду, – кивнула я. – Чем он еще занят?

– Творчество занимает все его время, – развел руками Толик.

– А он работать не пробовал? – съязвила я.

Толик виновато пожал плечами. В школе Кешка учился, не особо утруждаясь, зато «искать себя» начал лет с двенадцати. Сначала хотел стать музыкантом, но в музыкальную школу или хотя бы в кружок не пошел, любимое слово у него было «самобытный», вот он до всего и доходил сам. Результатом стало дилетантское бренчание на гитаре и создание группы, которая играла мало, но все члены ее много болтали. Потом Кешка переключился на живопись, и все повторилось.

Окончив школу, Кешка решил, что знаний у него более чем достаточно, однако на работу не устроился и все время проводил у приятеля, где они устроили студию. Родители Кеши, люди небогатые и излишне добрые, свято верили, что сын гений, но и они начали проявлять беспокойство. Так и не создав ничего выдающегося в живописи, Кешка решил стать писателем. Все прошлое лето он жил на даче, где писал роман, который никому не хотел показывать. Его мама дважды в неделю привозила ему продукты и убиралась в домике. Дача представляла собой дощатое сооружение в кооперативе бывшего завода «Магнит», лишенное каких-либо удобств. Писал Кеша от руки, пока Толик не подарил ему ноутбук. На вопрос, что он пишет, скромно отвечал: «Шедевр».

Лично я считаю, что его поиски себя затянулись, Кешке двадцать семь лет, а он все еще сидит на шее родителей-пенсионеров. Его отец вынужден работать, чтобы семья могла сводить концы с концами. Мне бы на месте Кешки было стыдно, но он относится к данному факту как к само собой разумеющемуся. Надеюсь, он написал что-то путное, иначе нас ждет очередной творческий поиск. Можно ведь заняться скульптурой, керамикой или художественной фотографией.

Самым неприятным был факт, что у Кешки портился характер. В последнюю нашу встречу он произносил разгромные речи о бездарях в литературе, которые заполонили издательства, журналы и даже газеты, так что у талантливого писателя шансов выбиться почти нет. Говорил зло, а за всем этим отчетливо проступало собственное бессилие и зависть.

– Сверни на светофоре, – сказал мне Толик, я взглянула вопросительно, а он пояснил: – Поужинаем в кафе, немного поболтаем.

– Неудобно приезжать к Вике слишком поздно.

– Позвони ей, предупреди. Можешь вообще у меня переночевать. У твоей подружки полно дел, так что душевные разговоры переносятся на послесвадебный период.

Мы остановились возле кафе, которое работало до утра, и я позвонила Вике. О том, что я буду ночевать у Толика, она даже слышать не хотела, но милостиво разрешила нам немного поболтать.

– Да, и никаких такси, пусть Полянский тебя проводит, в городе маньяк объявился.

Последнее замечание Вики Толик услышал и кивнул:

– Кстати, еще одна новость.

– О чем ты?

– О маньяке, – усмехнулся он, чем вызвал у меня недоумение. Заметив мой взгляд, усмешку убрал и виновато пожал плечами: – Вроде бы в самом деле маньяк. Несколько дней назад нашли труп девушки. Ее задушили. Весной уже был подобный случай. Обе девушки – светлоглазые блондинки. – Он окинул взглядом мои волосы, которые я заплела в косу, и вздох-

нул: – Вот такие дела. Похоже, убийства совершил один и тот же человек. Средства массовой информации предупреждают, что девушкам нужно проявлять осторожность, а прочим гражданам бдительность.

– Н-да, – неопределенно ответила я, да и что тут скажешь?

– Кеша собирался ехать в аэропорт вместе со мной, но потом вдруг передумал, – сказал Толик.

– Где он сейчас живет: в садовом кооперативе или у родителей?

Толик вздохнул, отвел взгляд, кашлянул и неохотно ответил:

– У меня теткина квартира пустовала, я собирался ее продать…

– Ясно.

– Ну, чего ты? С родителями ему неудобно, он по ночам работает.

– Работает?

– Не вредничай. А в этом его товариществе постоянно свет отключают. Может, он в самом деле написал шедевр, – закончил Толик с сомнением.

– Может, – не стала я спорить. – Вы взрослые мальчики и лучше меня знаете, что вам делать.

– По-твоему… – обиделся Толик, а я перебила:

– По-моему, благодаря тебе он еще долго будет пребывать в убежденности, что ему на этом свете все обязаны.

– Ну, зачем ты так? Мы же друзья и… – Толик протянул руку, сгреб мою ладонь и улыбнулся. Мне ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

Мы выпили по чашке кофе, и старый друг доверительно поведал о том, что расстался со своей девушкой, и, хотя рассказ сопровождался тяжким вздохом, чувствовалось, что это событие Толик большой трагедией не считает. С его девушкой я познакомиться так и не успела, оттого ничего толкового по сему поводу сказать не могла, правда, буркнула скорее из вредности:

– Тебе пора жениться.

– Знаешь, на свете так много прекрасных женщин, что сделать выбор очень трудно, – ухмыляясь, ответил он, а я подумала, что даже лучшие из мужчин ужасные свиньи. Должно быть, сказывалась моя собственная обида, ведь с парнями мне не везло. Наверное, их тоже посещали мысли вроде той, что сейчас изрек Толик.

Взглянув на часы, я со вздохом заметила, что нам пора. Расплатившись, Толик поднялся, взял меня под руку и повел к выходу.

– Слушай, а тебе никогда не приходила в голову мысль в меня влюбиться? – с серьезной миной спросил он.

– Приходила. Но критики не выдерживала.

– Почему это?

– Ты знаешь почему.

– Ага, – кивнул он. – Хотя… единственная девушка, с которой мне по-настоящему хорошо, которая меня не утомляет, не надоедает и не действует на нервы, – это ты.

– А Вика с Настей?

– Они тоже, но в меньшей степени.

– Просто мы с тобой редко видимся.

– И все-таки я не теряю надежды.

Я засмеялась, покачав головой, Толик тоже засмеялся, привлек меня к себе и поцеловал. Поцелуй был, как всегда, братским.

– Вот возьму и в самом деле влюблюсь в тебя, – пригрозила я.

– Наверное, в глубине души я на это надеюсь, потому и не спешу жениться.

Само собой, никакого значения его словам я не придала.

Вика жила со своими родителями в пригороде. Подъезжая к участку, мы увидели, что, несмотря на поздний час, почти во всех окнах трехэтажного особняка горит свет. Дом окружал кирпичный забор, мы подъехали к воротам, вышли из машины и направились к калитке. Не успели приблизиться к ней, как дверь дома открылась и на крыльце появилась Вика в шортах и маечке, на голове высокая прическа с вплетенными косичками и мелкими розочками.

– Привет! – крикнула она и припустилась к нам навстречу.

– Что это у тебя на голове? – с подозрением осведомился Толик, ткнув пальцем в ее волосы.

– Полдня делали пробную укладку.

– Что? – вытаращил глаза старый друг.

– Тупица, – фыркнула Вика. – У меня же свадьба. Я должна выглядеть сногсшибательно. Как тебе? – повертев головой, спросила она, обращаясь ко мне.

– Очень красиво, – сказала я.

– Сногсшибательно, – влез Толик. – Особенно в сочетании с шортами.

– Сделал доброе дело и проваливай, – Вика легонько подтолкнула его в спину в сторону машины. – Идем, – потащила она меня в дом.

– А чемодан? – крикнул Толик.

– О господи… – Мы вернулись к калитке, забрали чемодан. – Не вздумай в загс опоздать, – на прощание пригрозила Вика другу. – В 11.45. Слышишь?

– Когда это я опаздывал?

Вика, несмотря на мои протесты, потащила чемодан. В детстве она была полненькой девочкой невысокого роста, курносой и веснушчатой, а походкой напоминала воробушка. Ее звонкий чирикающий голосок это сходство лишь усиливал. Долгое время Вику считали дурнушкой. Ее мама любила рассказывать историю о том, как женщина, разносившая молоко на даче, увидев однажды Вику, играющую в песочнице, сказала, желая сделать молодой матери приятное: «Какая красивая девочка». Вика, услышав это, повернулась, и женщина скороговоркой выпалила: «Ну, лишь бы здоровенькой была». К тринадцати годам Вика ростом стала куда выше меня, а к четырнадцати необыкновенно похорошела. И теперь даже в шортах и маечке, с нелепой прической на голове выглядела красавицей.

Толик уехал, а мы вошли в дом. В огромной гостиной на первом этаже собралось все семейство Мамоновых. Отец Вики бродил с неприкаянным видом, вызывая ворчание ее матери. В кресле бабушка вытирала глаза платочком и вздыхала, старший брат Вики пил пиво и вопрошал:

– Кто-нибудь намерен лечь спать? – Тут он увидел меня и вздохнул с облегчением: – Наконец-то. Теперь, надеюсь, мы отправимся на покой.

– А тебя здесь никто и не держал, – съязвила Вика.

Володя подошел ко мне, чмокнул в лоб и сказал:

– Чемодан я отнесу.

– Да-да, – кивнула Ольга Дмитриевна, мать Вики. – Твоя комната готова. Как доехала? Не обращай внимания, мы сбились с ног с этой свадьбой. Быстрее бы все кончилось. Ужинать будешь?

– Нет, спасибо.

Отец Вики, погруженный в свои мысли, помахал мне рукой. Конечно, свадьба – это серьезное мероприятие, но он выглядел чересчур измотанным и нервным, будто впереди не торжество, а серьезное испытание. Бабушка с минуту разглядывала меня, затем вынесла вердикт:

– Хороша. Жених-то есть?

– Нет.

– Ну, ничего. Время терпит. Наша-то вертихвостка куда торопится?

– С рук долой, на душе спокойней, – ухмыльнулся Володя.

– Тебя бы еще женить, – вмешалась мать, Вика мгновенно отреагировала:

– Найти бы еще дуру, которая за него пойдет.

– Равных тебе все равно не найдется, – отозвался он.

Володя был старше Вики на четырнадцать лет, возможно, по этой причине особой близости между ними не было. Уживались они вполне мирно, правда, любили язвить по всякому поводу. Володя уже давно жил в Москве, чем родители были недовольны. Отец хотел, чтобы сын работал в его фирме, но у того на этот счет было свое мнение.

– Вы можете хоть один вечер провести спокойно? – вздохнула Ольга Дмитриевна. – У меня и так голова идет кругом.

– Удаляюсь, чтобы вас не нервировать. – Моя подруга присела в поклоне, схватила меня за руку и потащила на второй этаж в свою комнату. – Идем, покажу тебе платье.

Платье было великолепно. Вика покружилась по комнате, прижимая его к груди, а я захлопала в ладоши.

– Ты будешь самой красивой невестой на свете.

– Толик тебе рассказал, что расстался со своей подружкой? – спросила Вика, убирая наряд.

– Да, – кивнула я.

– Она ему не подходила. Проблем с девицами у него не возникнет. Хотя… Знаешь, мне кажется, он в тебя влюблен. – Я закатила глаза, эту тему мы обсуждали не раз, и она успела мне наскучить. – Ладно, ладно, – отмахнулась Вика. – Как ты отдохнула?

– Прекрасно.

– Тетушка с дядюшкой глаз с тебя не спускали? По их мнению, ты еще слишком молода, чтобы заводить парней?

– Вообще-то они говорят иначе: отношения должны быть серьезными.

– То есть сначала замуж, а любовь потом?

– Вроде того, – пожала я плечами. – Лучше скажи, каково это – чувствовать себя невестой?

– Наверное, я счастлива, – засмеялась Вика.

– Вот тебе и раз. Наверное?

– Я его люблю. Но, если честно, мне немного страшновато. Одно дело – встречаться, и совсем другое – жить вместе. Жаль, что тебя не было на девичнике, – сказала она. – Веселились до упаду. Девчонки заказали мне стриптизера.

– А как к этому отнесся Сергей? – улыбнулась я.

– Еще неизвестно, как он сам отрывался. С утра выглядел жутко помятым.

С полчаса мы болтали, перескакивая с одной темы на другую. Два перелета за один день дали о себе знать, глаза слипались, и было чувство, что подняться в свою комнату у меня просто не хватит сил.

– Давай отложим все разговоры на завтра, – предложила я.

– Спать хочешь? А я вряд ли усну. Наверное, это нервное. Проводить тебя?

– Сама дойду.

Я поцеловала Вику и пошла в отведенную мне комнату. Быстро приняла душ и наконец-то очутилась в постели.

С утра в доме было шумно. Завтракать сели в половине десятого. Отец Вики за столом был молчалив, на разговоры домашних почти не реагировал. Ольга Дмитриевна выглядела усталой, Володя с Викой, по обыкновению, препирались, бабушка жаловалась на головную

боль. После завтрака мы устроились с подружкой в саду и часа два неутомимо болтали обо всем на свете. Потом Вика отправилась в салон, а я достала список неотложных дел и постаралась выполнить все пункты. Для начала позвонила дяде, мы договорились встретиться с ним в пять часов и вместе пообедать. Он попенял, что я родной квартире предпочитаю дом подруги, а я заверила, что сразу после свадьбы переберусь к нему. Список постепенно сокращался, но все еще выглядел внушительно. В восемь вечера я вычеркнула последний пункт, чувствуя усталость и одновременно гордость, точно одолела неприступную вершину. Собралась уже отправиться к Вике, но тут позвонила Настя. С ней мы встретились через полчаса в кафе. Она сидела за столиком в одиночестве и, подперев щеку рукой, смотрела в окно. В отличие от Вики Настю с детства совершенно справедливо считали красавицей. В тринадцать лет, когда мы с Викой еще неутомимо играли в куклы, она уже встречалась с парнем. К пятнадцати годам знала о сексе все и любила повторять: «Хоть бы один удивил». Слушая Настины рассказы, мы обмирали от страха, восхищаясь ее смелостью, и, конечно, завидовали. Потом принимались мечтать, иногда вместе, иногда врозь, но даже самые смелые наши мечты не шли ни в какое сравнение с ее рассказами. Годам к семнадцати мы поняли: большинство из них Настя черпает из женских романов в мягких обложках, но от этого они не стали для нас менее интересными. Напротив, теперь надлежало отгадать, что Настя позаимствовала из книг, а что происходило в действительности. Сейчас она выглядела очень эффектно: высокая, темноволосая и светлоглазая, в ярко-красном платье с большим вырезом.

Увидев меня, она вскочила, радостно взвизгнув, и мы обнялись.

– Какой загар, выглядишь классно, – сказала она. – Зря тебя Вика взяла в свидетельницы, ты затмишь невесту.

– Не болтай глупости.

– Между прочим, она просила тебе передать, чтобы ты оделась поскромнее. Это ее головная боль.

– Уже нет. Утром мы выбрали мне платье.

– Подарок купила? Я просто с ног сбилась. Сегодня полдня бродила по магазинам, никакой идеи. Пришлось покупать кофейный сервиз. Правда, очень миленький. Толик купил антикварные часы. Ужас, но я его расстраивать не стала. У него, по-моему, крыша съехала от счастья, когда он свою кикимору бросил.

– Так она кикимора?

– Конечно. Наглая стерва. Удивляюсь, как он ее терпел все это время. К тому же ревнивая, все истерики ему закатывала. Совершенно сумасшедшая. Ты же знаешь, на Толике ездят все, кому не лень. Разумеется, Кешка превзошел всех, но и прочие не отстают. Плохо быть хорошим человеком. Кстати, Толик тебе о своем приятеле рассказывал?

– Нет. Что за приятель?

– О-о-о, – Настя закатила глаза. – Высоченный блондин с ярко-синими глазами. Я здоровых парней не люблю, они все неповоротливые, но он так пластичен, двигается с такой грацией…

– Он что, стриптизер?

– С ума сошла?! С ним все в порядке. Настоящий мужик, своя фирма, не хилая, между прочим. В общем, он такой умница, такой лапочка, так бы его и съела.

– Что же мешает?

Настя вздохнула:

– Я ему не нравлюсь.

– Быть этого не может, – не поверила я. С моей точки зрения, Настя способна вскружить голову кому угодно.

– Да я в себя не могу прийти от такой подлости судьбы. Но, похоже, придется смириться. Толик познакомил нас два месяца назад, и с тех пор я не сплю ночами и думаю только о том,

как парня соблазнить. Он разговаривает со мной, точно я малолетняя дурочка, и ловко уходит от темы. Расточает комплименты, но в руки не дается. Боюсь, мои чары бессильны. Теперь вся надежда на тебя. Если и ты его не охмуришь, значит, у парня скрытые дефекты. Я от обиды решила, что он «голубой», но, во-первых, не похож, а, во-вторых, Толик мне доверительно сообщил, после того как я взялась за него всерьез, что девок у его дружка пруд пруди, оттого товар этот, то есть девки, не в цене, со всеми он мил, но никакого намека на серьезные отношения.

– По-моему, он ужасная свинья.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда с ним познакомишься.

– Что-то у меня пропало желание знакомиться, – усмехнулась я, Настя махнула рукой:

– На самом деле, никакой он не бабник.

– Вот как?

– Ага. Он действительно очень милый. Девицы на него так и вешаются. И как их отшить, чтобы не прослыть импотентом?

– Серьезная проблема.

– Конечно, проблема. Два дня назад мы с ним ходили в кино, потом гуляли в парке. И он разоткровенничался. Оказывается, он мечтает о любви.

– Но до сих пор не встретил подходящую девушку, – сокрушенно продолжила я. – Бросай его к чертовой матери, он ее всю жизнь будет искать.

– А по-моему, он говорил искренне. Конечно, было ужасно обидно все это слушать, но я возблагодарила небеса за то, что не предложила за полчаса до этого поехать ко мне, а ведь собиралась, наплевав на свою девичью гордость. В общем, мы с ним друзья. Я всю ночь рыдала от такого-то счастья. Так что, если он в тебя влюбится, это будет совершенно справедливо. Пусть узнает, что это такое.

– Спасибо, подруга, – кивнула я. – Влюбиться в меня что-то вроде наказания?

– Я в другом смысле. Обидно, если он достанется кому-то другому.

– Ты забыла, с мужиками мне не везет. Испанец, о котором я тебе рассказывала, в конце концов сбежал.

– Шутишь? – нахмурилась Настя.

– Даже не думаю.

– И что? Ты расстроилась?

– Разумеется. Ведь парни бегут от меня сломя голову, – засмеялась я.

– Ну, и чего ты хохочешь?

– Тут хоть плачь, хоть смейся, – пожала я плечами, – ничего не исправишь.

– Он что, тебе очень нравился, этот испанец, я имею в виду? Ты влюбилась?

– Если честно, не успела. Он так стремительно исчез. Но этот хоть позвонил на прощание.

– Слушай, может, тебе обратиться к экстрасенсу? – с серьезным видом предложила Настя, вызвав у меня новый приступ хохота.

– Снимать порчу?

– Нет, в самом деле, это же ненормально, – сказала подруга. – Ты просто офигенно хороша…

– Спасибо на добром слове. Мои питерские подружки симпатичные девчонки, хотя, может, и не красавицы, но от парней у них отбоя нет, а я до сих пор не могу влюбиться. Так что давай своего блондина, пусть он разобьет мне сердце, будем страдать на пару. Он хоть не сбежит, если Толин друг. Найдем его в случае чего.

– Знаешь, я сейчас подумала: вы будете прекрасной парой… Энергетика у парня совершенно невероятная, хочется быть с ним рядом, сделать для него что-нибудь хорошее. И самой очень хочется быть хорошей. Ага. Мартин…

– Мартин? – подняла я брови.

– Красивое имя, правда?

– А оно настоящее?

– У него все настоящее. Белка, пусть мне не везет, но ты его должна заполучить.

– Буду стараться изо всех сил. Однако, если после знакомства со мной он вдруг отправится в долгосрочную командировку, не обессудь.

Настя усмехнулась и махнула рукой, а потом спросила:

– Ты Кешке звонила?

– Нет еще.

– Позвони, а то обидится.

– Мог бы и сам позвонить.

– Он последнее время какой-то дерганый. Это, наверное, из-за книги.

– Кто-нибудь ее читал?

– Какое там. Я попросила взглянуть, но мне было отказано. Предложил дождаться ее выхода из печати. Я была уверена, что никакой книги вовсе нет, но в кои-то веки оказалась не права. Он ее все-таки написал. Неужто в самом деле что-то стоящее…

– Сомневаюсь. Иначе ее не пришлось бы публиковать на деньги Толика.

– Однако сам факт, что Кешка что-то довел до конца, впечатляет. Согласись? – Я кивнула. – Вдруг он вправду гений, а мы дураки безглазые?

Кешкина гениальность вызывала у меня сомнение, но с гениями ни в чем наверняка нельзя быть уверенным, оттого я пожала плечами.

– Завтра на свадьбе увидимся, – подумала я вслух.

– Все-таки позвони ему, – попросила Настя. – У парня самолюбие…

– Хорошо, – кивнула я и набрала Кешкин номер, но ответить он не пожелал. – Телефон отключен.

– У гениев свои причуды, – хихикнула подружка. – Я на машине, могу тебя отвезти.

Последний вечер перед свадьбой в семействе Мамоновых прошел спокойно. В одиннадцать пили чай на веранде, после чего разошлись по комнатам, решено было лечь спать пораньше. На сон грядущий я еще раз просмотрела сценарий празднества, сделала себе шпаргалку на красивой открытке, приготовила на завтра платье и легла.

В восемь утра должен был прийти парикмахер, чтобы сделать прическу мне и Вике, нас обещали разбудить в семь, а сон, как назло, ко мне не спешил. Повертевшись некоторое время в постели, я открыла окно и устроилась на подоконнике. Звездное небо завораживало, и спать совсем не хотелось. Я таращилась на звезды и по неясной причине то и дело вздыхала, пока не начала клевать носом. Вздохнула напоследок и перебралась на кровать.

Разбудил меня звонок, негромкий, но продолжительный. Спросонья я не поняла, на самом деле его слышу или во сне. Не открывая глаз, прислушалась. Так и есть, звонят в дверь. Я потянулась, задев за что-то рукой и уколов палец.

Чертыхнулась, открыла глаза и рядом с собой на подушке увидела розу. Ярко-красную розу на длинном стебле. На пальце, в том месте, где я укололась, выступила кровь, а я подумала: кому пришло в голову положить в мою постель цветок? Вике или Володьке? В конце концов решила: Володьке. Очень мило. Хорошо, что я палец уколола, а не ткнулась в шипастый стебель физиономией. К тому же Володьке нечего делать в моей комнате. Особого романтизма я в нем раньше не замечала, выходит, это свадьба сестры на него так действует.

Дверной звонок внизу умолк, но тут же зазвонил телефон в холле. Я удивилась, что никто не обращает внимания на звонки. Перевела взгляд на часы и ахнула: 8.15. Телефон в этот момент смолк, но вскоре вновь зазвонил. Я вскочила, накинула халат и вышла из комнаты. Теперь телефон молчал, а я поразилась тишине в доме. Невероятно, но все проспали, а в дверь, должно быть, звонит парикмахер. Я сбежала вниз по лестнице, вопя во все горло:

– Люди, подъем! – распахнула входную дверь и увидела Софью Сергеевну, домработницу Мамоновых, в компании молодого человека с дредами, в умопомрачительном прикиде, в руках он держал блестящий чемоданчик. На лицах обоих читалось недоумение.

– Что случилось? – спросила Софья Сергеевна.

– Похоже, все спят как убитые, – ответила я, пропуская их в дом. – Это вы сейчас звонили по телефону?

– Да мы уже минут десять возле дверей прыгаем. С ума они сошли, что ли, время девятый час.

Молодой человек нерешительно оглядывался, стоя в холле.

– Проходите в гостиную, – кивнула ему Софья Сергеевна. – Сейчас я хозяев подниму. – И мне скомандовала: – А ты иди невесту растолкай.

На второй этаж мы поднялись вместе. Здесь были четыре спальни и кабинет главы семейства. Софья Сергеевна решительно направилась к спальне хозяев, которая была ближе к лестнице. А я направилась к Викиной комнате, последней по коридору. Софья Сергеевна громко постучала в дверь:

– Ольга Дмитриевна, да что же вы, посмотрите, который час.

А я в это время распахнула дверь Викиной спальни и увидела подвенечное платье, разложенное на кровати. Комната была пуста. Я решила, что Вика в ванной, и направилась туда, но меня насторожила мертвая тишина вокруг, я повернулась к кровати и приподняла платье. И в первое мгновение даже не поняла, что это, только потом в сознании всплыло слово «кровь». Дернула платье за лиф и замерла. Среди окровавленных подушек я увидела какое-то жуткое месиво, а ниже тонкую девичью шею с сердечком на золотой цепочке.

– Вика, – прошептала я и осела на пол, в последний момент услышав за спиной чей-то крик.

– Как она? – спросил мужской голос.

– Пульс нормальный…

Я открыла глаза. Словно из тумана выплыли склоненные ко мне лица мужчины и женщины.

– Ну вот, все хорошо, – сказала женщина и улыбнулась.

«Хорошо? – подумала я. – Может, это был сон? Мне все приснилось?» Я ухватилась за эту мысль, с минуту разглядывая потолок, потом попыталась подняться.

– Тихо, тихо, – положив руку на мое плечо, шепнула женщина. Белый халат, острый запах лекарств. Ни черта мне не приснилось… Господи…

– Вика, – с трудом произнесла я.

Мужчина и женщина переглянулись. Рядом кто-то всхлипывал. Я все-таки подняла голову и огляделась. Мы в гостиной, в доме хлопают двери, ходят люди. В соседнем кресле сидит Софья Сергеевна, волосы растрепаны, лицо бледное до синевы. Возле камина парень с дредами, обхватил себя руками за плечи и нервно вздрагивает.

– Вика? – повторила я.

– Изабеллочка, – пробормотала Софья Сергеевна. – Что же это… всех убили, всех… никого не пожалели… – Она залилась слезами, а я попробовала сесть.

Где-то через полчаса я окончательно пришла в себя. И узнала: все пятеро членов семьи Мамоновых были убиты ночью в своих спальнях. Наверное, до конца я в это так и не поверила. Сидела на диване, пялясь в пустоту под хмурым взглядом мужчины, который задал мне вопрос:

– Вам есть где остановиться?

– Да, – кивнула я, испытывая дурацкую надежду, что все еще можно как-то изменить, переиграть. Отыскать дверь, через которую я вернусь в привычную жизнь. Глупость, конечно. Но поверить в то, что произошло, было еще труднее.

– На вопросы сможете ответить?

Врач покачала головой, я заметила это и кивнула:

– Смогу.

– Вам повезло, – вдруг сказал мужчина. – Вы спали на третьем этаже, убийца туда не поднялся. Скорее всего, он не догадывался о вашем присутствии. Вы слышали что-нибудь ночью?

– Роза, – пробормотала я. – У меня на подушке утром лежала роза.

– Да, мы видели.

– Роза, – сцепив зубы, чтобы не разреветься, повторила я.

– Что вы хотите сказать?

– Я уколола палец.

– Бесполезно, – вновь покачала головой женщина. – Вам придется подождать, когда она немного успокоится.

– Пять трупов, она находилась в доме, должна же она была хоть что-нибудь слышать. Эта сволочь расхаживала здесь…

– Вам самому не мешает успокоиться, – строго заметила женщина.

В этот момент в холле раздался знакомый голос:

– Пропустите меня, немедленно пропустите, я имею право, там моя племянница. – И вслед за этим в комнате появился мой дядя. – Белка, – пробормотал он, замерев у входа, потом сделал несколько шагов, схватил меня за плечи, прижал к себе. – Слава богу, – шептал он, гладя мою спину. – Слава богу…

– Этого не может быть, – в ответ сказала я. И на мгновение мне опять захотелось оказаться в спасительном бесчувствии, а вслед за этим пришел страх, от которого накатывала тошнота, потому что я поняла: в эту ночь я могла умереть, и сейчас мой труп выносили бы на носилках из спальни.

Первая неделя после похорон осталась в памяти чередой тоскливых дней, где были бесконечные разговоры, по большей части бессмысленные. Временами я самой себе казалась зрителем пьесы абсурда. Я действительно скорее была зрителем…

На похороны собралось огромное количество людей, и я, будто со стороны, видела себя бредущей в толпе, в черном платье, с черной лентой в волосах и букетом белых лилий, которые так любила Вика. Рядом со мной шли Настя, Толик и Кеша, но и они в тот момент казались мне какими-то ненастоящими, точно это были не они сами, а актеры, исполнявшие их роль. А кто-то исполнял мою. Иногда удачно, иногда не очень. Должно быть, это последствие шока, думала я, время пройдет, и все встанет на свои места, по крайней мере, так уверял дядя Лева.

– Все проходит, девочка, – повторял он. – В этом трагедия, но в этом и спасение. Когда погибли твои родители… когда все они погибли… – Он вздыхал и качал головой, не в силах продолжать. Я согласно кивала. Конечно, он прав. В моей жизни уже была страшная трагедия: сначала погиб мой младший брат, а потом в одну ночь я лишилась отца, матери и старшего брата. Они погибли во время прогулки на катере. Что тогда произошло, толком никто не знал, катер затонул, и ни его, ни тел моих родных так и не смогли найти. Но тогда мне не было и пяти лет.

Я совсем не помнила отца и очень смутно мать. Более-менее отчетливые воспоминания относились к тому моменту, когда я начала ходить в школу. Я знала, что я сирота, и понимала, что это плохо, потому что окружающие жалели меня, но несчастной себя не чувствовала. Тогда мы разминулись со смертью, а в этот раз она явилась во всей своей неприглядности: брызгами крови и мозга на шелковой наволочке. Я хотела верить своему дяде, но сомневалась, что когда-нибудь смогу думать о гибели Вики спокойно.

Само по себе это убийство было так ужасно, что все остальное: кто убил, по какой причине, для меня уже не имело значения. По крайней мере, не об этом я думала. Хотя вокруг

только и говорили о жутком преступлении и строили предположения. Оно всех потрясло своей жестокостью, и даже маньяк, который наводил страх на город всего несколько дней назад, казалось, был забыт.

В газетах и по телевизору давались скупые сообщения, заканчивающиеся фразой «ведется следствие», зато на любой остановке троллейбуса можно было услышать леденящие душу подробности, чаще всего фантастические. Город гудел, обрастал слухами и домыслами. И мне в них отводилось далеко не последнее место, однако это меньше всего меня волновало.

Я жила у дяди и, если не считать бесед со следователем, мало с кем виделась и почти ни с кем не разговаривала. Дядя Лева, мудро рассудив, что меня лучше всего оставить в покое, заглядывая в мою комнату, по большей части тоже молчал.

Как-то вечером, сидя возле окна, я в который раз вспоминала о прощальном подарке Вики, о розе, которую она оставила на моей подушке. Мне хотелось верить, что цветок оставила именно она, хотя я подозревала, что скорее всего это не так. Я думала о Вике, о ее свадьбе, которая превратилась в похороны с невестой в белом платье в закрытом гробу, и беззвучно рыдала. В комнату вошел дядя Лева, постоял у двери и со вздохом сказал:

– Ты не должна поддаваться унынию, слышишь? Иногда приходится заставлять себя жить привычной жизнью…

– Я все думаю, – повернувшись к нему, сказала я. – Зачем он это сделал?

– Зачем убил?

– Нет, зачем он накрыл ее свадебным платьем? Это было… это так жестоко… какая-то насмешка, издевка… разве мало того, что он в нее выстрелил? Кем же надо быть, чтобы сотворить такое?

– Твоя мать говорила, что к подобным типам нельзя подходить с человеческими мерками, потому что тот, кто это сделал, не человек.

– Да? И кто же он? – усмехнулась я.

– Дьявольское отродье, – пожал плечами дядя Лева. Я нахмурилась, не зная, как отнестись к его словам, а он продолжил: – Истинное зло бесстрастно, безлико, самодостаточно. Твоя мать считала, что дьявол существует. Не как идея вселенского зла, отнюдь нет. Для нее дьявол был реален. Он совокуплялся с женщинами, и они производили на свет монстров в обличье людей. Маньяков, военных преступников, палачей и прочих нравственных уродов.

– Мама в это верила? – задала я вопрос, подумав при этом, как мало я знаю о своей матери.

– Она была испанкой и католичкой, так чего ты хочешь? – улыбнулся дядя Лева. – Мистицизм был у нее в крови: дьявол среди нас, и потомство его все множится.

– А ты веришь в это?

– Нет, конечно. Очень просто все свалить на дьявола. Но твоя мать в него верила. И с его потомками у нее были личные счеты.

– Звучит по-дурацки.

– Я думал, ты помнишь семейное предание.

– Мне стыдно в этом признаться, но я не только предание, но и маму почти не помню. Помню шарлотку, которую она пекла, запах в кухне по утрам, когда пили чай, возню за столом. Помню, как она улыбалась… Пожалуй, все.

– Может, это и к лучшему, – пожал плечами дядя Лева. – Я имею в виду семейное предание.

– Ты меня заинтриговал.

– Расскажу как-нибудь. А пока тебе лучше позвонить кому-то из своих друзей и отправиться на прогулку. Посиди в кафе, посмотри на мир вокруг, постарайся отвлечься.

– Я так и сделаю, – кивнула я, вовсе не собираясь никому звонить.

Но не успел дядя Лева покинуть мою комнату, как я услышала сигнал мобильного. Взглянула на дисплей и поспешила ответить. Звонил Сергей, жених Вики, человек, которому сейчас было еще тяжелее, чем мне.

– Привет, – сказал он, я ответила:

– Привет.

И мы замолчали. Я лихорадочно подыскивала правильные слова, что-нибудь из арсенала дяди Левы, о том, что в жизни существуют такие моменты, которые надо просто пережить, стиснув зубы и уповая на то, что через полгода, через год станет легче. И не смогла ничего произнести. Если эти слова не подействовали на меня, вряд ли они произведут впечатление на Сергея. Первым заговорил он:

– Слушай, мы могли бы встретиться?

– Конечно. Где, когда?

– Прямо сейчас. Я в двух кварталах от твоего дома. Через минуту подъеду.

– Хорошо.

Я быстро переоделась, схватила сумку, положила в нее мобильный и направилась к входной двери.

– Ты уходишь? – появляясь из гостиной, спросил дядя Лева.

– Да. Наверное, задержусь. Ужинай без меня.

Он кивнул, и я вышла из квартиры.

Возле подъезда увидела новенькую «Ауди». Сергей стоял, привалившись к капоту. В первое мгновение мне показалось, что он пьян. Покрасневшие глаза, бессмысленный взгляд. Он сделал шаг мне навстречу, и его качнуло.

– Что, паршиво выгляжу? – спросил он с усмешкой и полез в карман за сигаретами, руки его дрожали. А я поняла: вовсе он не пьян, все куда хуже. «Дядя Лева прав, – с тоской подумала я. – Надо держать себя в руках». – Чего ты молчишь? – спросил он, прикуривая.

– Выглядишь паршиво, – согласилась я. – У тебя есть повод.

– Это точно. Знаешь, я так и не могу поверить. Каждый день езжу на ее могилу, стою как пень и думаю, что я здесь делаю? – Я кивнула, а он вновь заговорил: – Она тебе снится? Мне – нет. Странно, правда? Я постоянно о ней думаю, а она мне не снится. – Он отбросил сигарету в сторону. – Пройдемся?

Мы побрели в направлении парка. Парк был недалеко от нашего дома.

– Менты тебя опять вызывали? – через некоторое время спросил Сергей.

– Да, вчера. Не возьмут в толк, как я могла ничего не слышать.

– Пистолет был с глушителем, так чему удивляться?

– Убийца ведь довольно долго находился в доме, ходил по комнатам. Я все думаю, если бы я все-таки что-то услышала, могла бы…

– Глупости. Погибла бы вместе с ними. Убийца – профессионал. Никаких отпечатков, вообще ничего, будто он не человек вовсе, а призрак. Менты до сих пор не знают, как он проник в дом.

– Дом ведь был на охране?

– На охрану Мамоновы его ставили, только когда уезжали, а когда в доме полно народа… никому это даже в голову не приходило. Менты считают, что у убийцы могли быть ключи.

– Ключи? – нахмурилась я. – Выходит, это кто-то из знакомых?

– Необязательно. Я же сказал, убийца профи. Выследил кого-то из членов семьи, вытащил ключи, сделал слепок и вернул их назад.

– Тогда он фокусник.

– Хуже.

Я посмотрела на Сергея, не очень понимая, что он имеет в виду.

– Менты помалкивают, но я точно знаю, в родительской спальне рядом с трупом Викиного отца нашли игральную карту. Пиковый валет.

– Что это значит?

– Визитная карточка одного мертвеца. Он уже успел засвидетельствовать себя в Питере и дважды в Москве, но у нас засветился впервые.

– Ты говоришь о киллере?

– О психопате, который убивает спящих людей и оставляет игральную карту, чтобы его не спутали с другими психами.

– Надеюсь, его найдут. – Что еще я могла сказать?

– Не уверен. Он достаточно ловок, чтобы остаться безнаказанным.

– Когда-нибудь его везение кончится.

– Когда-нибудь? – усмехнулся Сергей. – Ты сказала – когда-нибудь?

– Прости. Почему он это сделал? Я имею в виду, кому нужна смерть целой семьи? Киллер работает за деньги, а не для своего удовольствия.

– Этот и за деньги, и для удовольствия. Я уверен. – Сергей бил кулаком по раскрытой ладони, сцепив зубы, и выглядел едва ли не сумасшедшим. – Ты же знаешь, что он сделал? – повернулся он ко мне. – Накрыл ее платьем, словно отправлял под венец. Он сделал это нарочно. Я… я все думаю… – Сергей вздохнул, покачал головой.

– Я тоже думала об этом, – сказала я, голос звучал хрипло, я кашлянула, отвернулась, боясь, что разрыдаюсь. Я не должна плакать. Сергей нуждается в моей помощи, а не в моих слезах.

– Мразь, вот он кто, – произнес он. – Я не успокоюсь, пока не найду его.

– Ты? Разве это возможно? Сделать то, что не могут милицейские? – неуверенно спросила я.

– Киллерами менты не занимаются.

– Сережа, я тебя понимаю, но… искать его должны те, кто знает, как это делается, и имеет возможности…

– А если они не найдут? Если ему опять повезет? Что, сидеть сложа руки?

– Но что мы можем? Как его искать? И разве тот, кто его нанял, виноват меньше? Разве не его надо искать в первую очередь? Убийца только орудие…

– Этот нет. Я же сказал, ему доставляет удовольствие убивать, он чокнутый, сукин сын, псих, просто псих…

– Успокойся, – я протянула руку, коснулась его ладони.

– Да, конечно. Я спокоен… Убивать всю семью не было никакой необходимости. Но он убил.

– Не было необходимости? – спросила я, сильнее сжав его ладонь. – Что тебе известно?

– То, что знают все. Мамонов дважды перешел дорогу одному типу. Речь шла о крупном подряде. Первый раз Мамонову это сошло с рук, хоть его и предупреждали. Этот тип бывший бандит. Бандит – он всегда бандит, даже если научился носить галстук. После того первого случая мой отец предупреждал Мамонова, что ему следует быть осмотрительнее. Тот тип злопамятен, но Мамонов сказал, что сейчас не девяностые и всякой мрази хвост поприжали. Идиот. Не смотри на меня так, если бы у Викиного отца было больше здравого смысла, она была бы жива. Мы бы проводили свой медовый месяц на Мальдивах, и мне бы не пришлось каждый день ездить на ее могилу… Когда вновь возникла та же ситуация, мой отец советовал Мамонову уступить, но тот стоял на своем. И он добился своего, оказался на кладбище вместе со всей семьей.

– Сергей…

– Он мог сколько угодно рисковать собой, но о семье думать был обязан. А он даже после того, как ему стали угрожать, не предпринял никаких мер для их безопасности. Дом на охрану

поставить и то ума не хватило. Он, видите ли, свято верил, что с прошлым покончено. Честная конкуренция, и все такое… Скажешь, он не идиот? А кто тогда?

– Ради бога, прекрати, – попросила я.

– Да помню: о покойниках плохо не говорят.

– После того как ему начали угрожать, он обратился в милицию?

– Ну разумеется. Но звонки с угрозами были анонимными, так что все закончилось заявлением в прокуратуру. Письменный памятник его глупости. Понятное дело, тип, который привык, что все танцуют под его дудку, щелчка по носу стерпеть не мог. Даже если бы захотел. Тогда бы и другие решили, что его время прошло. У него был единственный выход: показать всем, что болтовня о других временах болтовней и останется. В результате пять трупов. В ближайшее время повторять подвиг Мамонова вряд ли кому взбредет в голову.

Мы шли по аллее парка, уже в третий раз проходя по одному и тому же месту, и мало что замечали вокруг, поглощенные разговором. Мне было тяжело слышать обвинения в адрес Мамонова, но сумятица в душе и мыслях Сергея была понятна. Сейчас он в таком состоянии, что готов обвинять кого угодно. Раздражать его своими упреками в несправедливости я не хотела, а уйти не могла, оставалось одно: идти рядом и слушать.

– Кто этот тип? – все-таки спросила я.

– Вряд ли тебе что-то скажет его фамилия. Князев Павел Николаевич. Крупный бизнесмен, – последние слова Сергей произнес издевательски.

– От кого ты все это узнал? От отца? – уточнила я.

– Об этом весь город болтает.

– В таком случае следователь просто обязан…

– Белка, ты что, не понимаешь? Одно дело – знать, другое – доказать. Князев чистенький, сам он никого не убивал. Он сейчас вообще отдыхает с семьей в Испании, приедет на днях. Следователь с ним даже побеседовать не имеет возможности. Заметь, побеседовать. Да и что толку от этой беседы? Он от всего открестится.

– Я не верю, что такое сойдет ему с рук, – покачав головой, возразила я. – Убийство потрясло всех, ты сам сказал, в городе только об этом и говорят. Найти убийцу для ментов – дело чести, разве нет? Иначе весь этот треп о других временах так трепом и останется.

– Так это треп и есть, – зло засмеялся Сергей. – Только дурак в него поверит.

– Я так не думаю.

– Еще одна доверчивая дура. Ладно, извини. Допустим, милиция будет стараться изо всех сил. Князев явится со сворой адвокатов. Доказать, что он заказчик, очень трудно. Для этого надо выйти на исполнителя. Если бы убийство совершил кто-то из людей Князева, у ментов был бы шанс. Кто-то что-то непременно бы слышал и все такое. И, окажись убийца у них в руках, Князеву пришлось бы туго. Вряд ли бы киллер решил стать героем и сдал бы нанимателя как миленький, чтобы выторговать себе поблажку. Уверен, Князев не хуже меня знает об этом, оттого и обратился к чужаку.

– Но ведь как-то он на него вышел, значит, их что-то связывает?

– Разумеется. Только как нащупать эту связь? – Сергей повернулся ко мне и произнес: – Мы должны найти киллера. И заставить его заговорить.

– Мы? Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

– Ты ведь не откажешься мне помочь?

Мы стояли посреди аллеи и пялились друг на друга, я была в замешательстве, Сергей сверлил меня взглядом, точно намеревался дыру в моем лбу проделать. Признаться, мне стало не по себе и от его слов, и от взгляда.

– Но как я могу помочь?

– На самом деле у нас есть шанс, – ответил он. – Ты была в доме. Он об этом не догадывался, но теперь наверняка знает. Ты ничего не видела и не слышала. Это то, что ты сказала следователю. Но ведь могло быть иначе.

– Я действительно ничего не видела.

– Конечно. Но убийца может сомневаться. Если до него дойдет слух, что ты в ту ночь проснулась и…

Наконец-то до меня дошло, моя бестолковость в тот день была извинительна, учитывая обстоятельства.

– Ты не можешь такого от меня требовать, – разозлилась я.

– А я ничего не требую. Я предлагаю найти убийцу Вики. Она была твоей подругой с самого детства. Ты ведь ее любила.

– Да. Но от того, что я окажусь рядом с ней на кладбище…

– Послушай, – перебил он. – У меня есть деньги. Собственные деньги. Большие. Я готов потратить их все, чтобы увидеть убийц Вики за решеткой. Князева и этого киллера. Я найму самых лучших людей, каких только смогу отыскать, они будут рядом с тобой днем и ночью.

– Не твое дело ловить киллера, и уж точно не мое.

– Что ж, я тебя понимаю, – кивнул Сергей. – Одно дело – языком болтать, и совсем другое… Ты боишься, это тоже понятно.

– Боюсь, черт возьми, еще как боюсь… Он уже убил пятерых, еще один труп его вряд ли остановит.

– Правильно. Проблема в том, что такие, как он, не оставляют свидетелей. Видела ты что-то или нет, разница для него небольшая. Он решит подстраховаться. – От этих слов меня, признаться, взяла оторопь. Что, если Сергей прав?

– Черт, надеюсь, следователь… – начала я.

– Вряд ли, – с усмешкой перебил Сергей. – Для ментов ты не свидетель, раз ничего не видела и не слышала. Да и нет у них возможности охранять тебя круглые сутки. Если ты думаешь, что в своем Питере окажешься в безопасности, забудь об этом. Он и там тебя найдет.

– Умеешь ты утешить, – покачала я головой.

– Ну, так что?

Очень хотелось послать его к черту. Открывшиеся перспективы меня откровенно пугали. А чувство было такое, будто Сергей умело расставил ловушку и я в нее угодила. Но было и еще кое-что. Вика моя подруга, и я ее любила. И дело вовсе не в Сергее с его ловушками, дело в том, что, если я могу помочь найти убийцу, я должна это сделать. Ради Вики должна. В общем, мои представления о настоящей дружбе сыграли со мной злую шутку. Я не могла отказаться, хоть и считала затею Сергея опасной глупостью. Можно послать парня к черту и бежать в прокуратуру, обливаясь слезами, просить защиты, вот только как я буду чувствовать себя после этого? Я и без долгих размышлений знаю как: скверно.

– Давай дождемся возвращения Князева, – вяло вымолвила я. – Дадим следствию шанс выполнить свою работу.

– Я не собираюсь им мешать, наоборот, хочу помочь. Можешь не отвечать сразу. Подумай.

– Да чего тут думать, – разозлилась я. – Ты все так доходчиво объяснил, теперь хоть думай, хоть нет… Что я должна делать?

– Ничего, – ответил Сергей и вдруг улыбнулся, эта его улыбка вызвала у меня приступ бешенства, я едва сдержалась, чтобы не сказать что-нибудь резкое, оскорбительное. – Просто будь внимательна. Киллер вполне может появиться в твоем окружении.

– Буду ждать с нетерпением, – съязвила я. – Как ты собираешься осуществить свой план? Я насчет предполагаемых слухов, которые должны достичь его ушей.

– Слухи это слухи. Один человек сказал, другой передал…

– А если менты узнают?

– Ты скажешь, что понятия ни о чем не имеешь.

– Гениально. Вижу, ты все продумал, – усмехнулась я. – Если все прочие идеи такие же, не сомневаюсь, что мы его поймаем.

– Я не успокоюсь, пока не увижу его с Князевым за решеткой, – только что не по слогам повторил Сергей.

– Аминь, – кивнула я.

После этого разговора меня трясло, как в ознобе, правда, недолго. Странное дело, вернувшись домой, я быстро успокоилась и почувствовала себя не в пример лучше, чем до встречи с Сергеем. У меня появилась цель. Теперь я не просто пялилась в окно, бродила по комнате, оглядывалась с недоумением, как будто пытаясь понять, как меня сюда занесло? Во всем появился некий смысл, я не просто пялюсь и брожу, я готовлюсь. Я могла бы погибнуть в ту ночь, но осталась жива. Теперь в этом тоже был смысл, если угодно, предназначение. Правда, о нем мне возвестил не трубный глас, а Серега, почти свихнувшийся от горя. Однако кое-какие остатки инстинкта самосохранения давали о себе знать, и я, вздыхая, думала: возможно, убийцу и без нас найдут, и сильно рисковать не придется. И делать ничего особенного тоже не надо, буду жить, как жила до сих пор. Никакого геройства. Просто живу и внимательно смотрю по сторонам.

Через неделю мы впервые после похорон встретились все вместе: я, Настя, Толик и Кеша. Не хватало только Вики, и пустующее место за столом приковывало взгляд, вызывало щемящую тоску и одновременно странную неловкость. Мы приехали с Настей, Толик уже ждал нас в кафе, с сосредоточенной физиономией вертел в руках мобильный. Но, увидев нас, широко улыбнулся, вскочил и по привычке раскрыл объятия.

– Какие красивые, – засмеялся он, целуя нас по очереди. Стало ясно: он изо всех сил пытается вести себя так, словно ничего не случилось. Я не знала, как к этому отнестись. Конечно, можно делать вид, что Вики нет с нами потому, что она уехала со своим мужем в свадебное путешествие. Но это казалось мне дурацким притворством. С таким же успехом можно делать вид, что ее никогда не было в нашей жизни. Впрочем, вряд ли Толик предложил бы подобное, мы все слишком ее любили. Его попытка вернуть нашу жизнь в ее прежнее русло, в общем-то, была мне понятна. Здравого смысла хватало, чтобы уяснить: затяжная депрессия ничего хорошего не несет. И мы с Настей, переглянувшись, включились в игру. Настя преувеличенно громко смеялась, и я от нее не отставала.

Через пять минут в кафе появился Кешка. В отличие от других членов нашей команды, с ним у меня отношения не складывались. В детстве он казался мне слишком занудливым (у него была страсть что-то подолгу объяснять, причем предмет объяснений был интересен ему, а вовсе не окружающим), в юности абсолютно не привлекательным (он был длинным худым подростком с рекордным количеством прыщей на физиономии и вечно красными веками: то ли конъюнктивит, то ли аллергия), потом начал вызывать раздражение своим упорным стремлением устроиться за счет других. Гением я его не считала, хотя иногда и соглашалась с тем, что не права, особенно если Толик вставал на защиту друга. Я думаю, сам Толик упорно цеплялся за эту дружбу, желая продлить наше детство. Возможно, это желание ребяческое, но опять же понятное. Когда-то давно мы были соседями по даче. Обычный дачный поселок, каких в России тысячи. В нашем получили участки сотрудники НИИ, и мой отец в их числе. Прямые улочки, деревянные дома, рядом лес и речка, где летом мы проводили большую часть времени. Мальчишки были старше на семь лет и вряд ли обратили бы на нас внимание, не будь у меня двух братьев, которым вменили в обязанность за мной приглядывать, а я тянула за собой хвост из двух соседских девчонок, так что компания вышла большой и шумной.

Еще одно воспоминание из тех времен, когда мои родители и братья были живы. Мы пробираемся сквозь какие-то заросли, под ногами старшего брата чавкает грязь, а я сижу у него на закорках и верчу головой. За нами след в след идет Толик, обливаясь потом, тащит Вику, за ним Кешка с Настей на плечах. Замыкает шествие мой брат Рамон, он на два года младше Георгия, которого дома звали Хорхе. Мою бабку вывезли в конце тридцатых из Испании, где вовсю шла гражданская война. Вместе с тремя десятками других испанских детишек она с сестрой оказалась в детском доме в городе, где через много лет после этого родилась я. Бабке было восемь лет, сестре четырнадцать. Наверное, свою родину бабушка совсем не помнила, и когда после смерти Франко многие из тех испанцев, что оказались в Союзе, стали возвращаться домой, ей это и в голову не пришло. Россия стала для нее второй родиной. И все-таки та, первая, не была забыта. И сироты, оказавшиеся здесь, всю жизнь инстинктивно тянулись друг к другу, сохраняя свой язык и те немногие воспоминания, что у них остались. Неудивительно, что бабка вышла замуж за своего соотечественника, одного из тех, с кем оказалась в детском доме. И ее сестра, а потом через много лет и племянница тоже вышли замуж за испанцев. Правда, будущий муж племянницы был испанцем только наполовину, он приехал сюда из другого города, где в тридцатых годах оказалась его мать, такая же сирота, как и моя бабка. Бабушка умерла в год моего рождения, дед еще раньше. Дядя Лева рассказывал, что в нашем доме постоянно бывали гости, те самые дети-испанцы, а потом и их дети, и нелегко было разобраться, где родственники, а где просто друзья. Бабкин гостеприимный дом стал для многих родным домом, тем самым, которого их лишили в детстве. Однако моя мама вышла замуж не за соотечественника, а за поволжского немца. Его предки попали в Россию еще во времена Екатерины, так что к моим испанским корням и имени Изабелла прибавилась немецкая фамилия. После гибели родителей моим единственным близким родственником был родной брат отца, дядя Лева. Своей семьи у него не было, отдавать меня в детский дом он решительно не хотел и забрал к себе. Вскоре после этого нас разыскала испанская родня бабки, о которой дядя Лева ничего до той поры не слышал. Они предложили свою помощь, и дядя принял ее с радостью. Моя испанская тетка оказалась бездетной, они с мужем хотели меня удочерить, этому дядя Лева воспротивился, но два месяца в году я обязательно провожу у них.

После окончания школы, когда встал вопрос, где мне учиться, тетка рассчитывала, что я все-таки приеду к ним, однако я выбрала Питер. Это ее огорчило и даже, по-моему, обидело. Но вслух она обид не высказывала. В семье при жизни родителей говорили на испанском, оба моих брата учились в испанской школе, которая была в нашем городе, отец против этого не возражал, правда, ввел в обиход еще и немецкий. Наверное, я была забавным ребенком, с одинаковой легкостью болтала на трех языках, а на вопрос о национальности бойко отвечала, что я русская, вызывая хохот родителей. Русскими были мои подруги, а мне важно было знать, что я такая же, как они, и я временами сокрушалась, почему меня зовут Изабелла Корн, а не Настя Иванова, к примеру. Зато в школьные годы моя замысловатая родословная, а также имя вкупе с фамилией стали предметом зависти многих одноклассниц.

В семь лет дядя Лева определил меня в испанскую школу, и Настя с Викой, не пожелавшие расставаться со мной, отправились туда же, хотя их родители предпочли бы, наверное, английскую. Но обе ревели так отчаянно, что сумели настоять на своем. Толик с Кешкой хоть и учились в другой школе, нас из виду не теряли. Я была сестрой их погибших друзей, и, наверное, они чувствовали себя обязанными поддерживать меня. Мы часто виделись в городе, а летом по-прежнему выезжали на дачу. Правда, к тому моменту родители Кешки, чтобы собрать деньги на квартиру, дачу продали, но мать Толика, от которой он унаследовал страсть к благотворительности, забирала Кешку с собой на все лето, считая, что жизнь ребенка в городе в это время года попросту ад.

Наверное, к Кешке я была просто несправедлива, он-то всегда относился ко мне с большим вниманием. Отношения наши в последнее время стали натянутыми, я это чувствовала,

но то ли из упрямства, то ли по какой-то иной, неведомой мне причине не предпринимала ничего, чтобы как-то это изменить.

Вот и сейчас, стоило ему войти в кафе, как я почувствовала раздражение и даже непроизвольно поморщилась.

На сей раз раздражение, скорее всего, возникло оттого, что Кеша вырядился эдаким франтом, на нем были стильные джинсы, фирменная футболка и льняной пиджак. Приобрести все это на родительские деньги он не мог, следовательно, вещи принадлежат Толику, комплекция у них примерно одинаковая, чем Кешка и пользовался. Может, благодаря этим тряпкам Кеша не выглядел классическим неудачником, каковым, по моему мнению, он являлся. Войдя в кафе, он чуть задержался возле зеркала, окинув себя взглядом с ног до головы, и усмехнулся удовлетворенно, что от моего внимания не укрылось. От бесконечных прыщей на его лице остались вмятины. Несмотря на разгар лета, кожа его была неестественно бледной, выглядело это почему-то неприятно. Под мышкой Кеша держал пакет довольно внушительного вида, бодро прошествовал через весь зал и сказал громко:

– Привет.

С Толиком они поздоровались за руку, Настю он поцеловал, на меня посмотрел с нерешительностью, я приподнялась и сама его поцеловала, сказав:

– Рада тебя видеть.

Он расплылся в улыбке, а я почувствовала угрызения совести: другу детства нужно уделять побольше внимания.

– Что-нибудь заказали? – спросил он, сев рядом со мной.

– Нет, ждем тебя, – ответил Толик.

– Предлагаю выпить, есть повод.

Меня это вновь покоробило. «Предлагаю» звучит здорово, учитывая, что платить придется Толику, но дело даже не в том. Конечно, мы пытались вести себя так, словно в нашей жизни был полный порядок, однако повода радоваться я все-таки не видела. Наверное, я опять придираюсь, у Толика и Насти его слова неприятных чувств не вызвали. Толик поднял брови и спросил:

– Книга вышла?

– Да. – Кеша скромно потупился, а мы наперебой заговорили:

– Поздравляю… – причем я громче всех. Кеша извлек из пакета три книги и торжественно раздал их нам.

– Подпишешь? – хлопая в ладоши, спросила Настя.

– Там есть посвящение.

Мы поспешно открыли книги. «Моим друзьям, самым верным и самым любимым: Анатолию, Изабелле, Виктории и Анастасии. С благодарностью за понимание и поддержку».

Все-таки Толик у нас практически святой, он умудрился прослезиться, хотя книга была издана на его деньги, и его-то автор был просто обязан поблагодарить. У Насти слез в глазах не было, но Кешку она обняла с большим чувством.

– Спасибо тебе, дорогой.

«И только я свинья свиньей», – мысленно усмехнулась я, правда, поспешила призвать себя к порядку. Это мой друг, черт возьми. Друг, который по неведомой причине вызывает у меня лишь раздражение. Я поспешно пролепетала слова признательности и тоже полезла с поцелуями.

– Это надо отметить. – Толик позвал официанта.

Я разглядывала книгу. На обложке изображена мужская ладонь с перстнем на мизинце: огромный черный камень овальной формы. На втором плане профиль девушки с длинными светлыми волосами, наверху имя автора «Иннокентий Базин», под рисунком название «Перстень дьявола». «До чего же оригинально», – неприязненно подумала я и решила, что книга

мне не понравится. Разумеется, чувство вины явилось как по заказу, и я принялась самой себе выговаривать за предубеждение и несправедливость, но толку от этого было на грош. Кешка упорно вызывал у меня аллергию.

Официантка принесла шампанское, и мы выпили. Но как только бокалы оказались на столе, веселье вдруг иссякло. Кешка продолжал улыбаться, но и он не знал, что сказать. Мы испытывали неловкость и отводили взгляды, сохраняя улыбки на лицах.

– Предлагаю поехать в какой-нибудь клуб, – минут через пять произнес Кешка. – И оторваться по полной.

Мы быстро переглянулись, никто из нас троих ехать в клуб не собирался, вопрос был в том, кто первым об этом скажет.

– Понятно, – нахмурился Кешка. – Праздновать предстоит в одиночестве.

– Просто сейчас неподходящее время, – начала Настя, но он ее перебил:

– Разумеется. Ладно, я пошел. – Кешка поднялся. – Надеюсь, книгу вы все-таки прочитаете, перед тем как забросить ее на самую дальнюю полку.

– Подожди, – заволновался Толик, вскакивая с места. – Посидим немного, выпьем еще.

– У меня дела, – хмуро бросил Кеша, невежливо выдернул свой локоть из руки Толика и направился к двери.

– Ну вот, – Толик с разнесчастным видом опустился на стул. – По-моему, мы его обидели. Чего молчите?

– А чего тут скажешь? – подала я голос.

– Я думаю, после того, что случилось, мы должны с еще большим вниманием относиться друг к другу, – сказал Толик.

– На твое внимание ему грех жаловаться, – заметила Настя.

– При чем здесь это? Мы могли бы поговорить о книге и в клуб съездить тоже могли. В конце концов…

– Прочитаем книгу и поговорим, – дипломатично согласилась Настя. – Кстати, тебе не кажется, что Кешка в последнее время какой-то чересчур дерганый?

– В последнее время с нервами у всех проблемы.

– Сколько раз я ему звонила, а он едва слова цедит, но потом вдруг является и только что в пляс не пускается.

– У людей творческих перепады настроения в порядке вещей, – пожал плечами Толик.

– Ему следовало бы и о нас подумать.

– О чем ты говоришь?

– Настя права, – вмешалась я в разговор. – Кешка просто эгоист, для которого не существует ничего, кроме собственных проблем.

– Ты к нему несправедлива. Между прочим, это не только мое мнение. Вчера мы разговаривали по телефону, и Кешка сказал, что ты его терпеть не можешь, и терялся в догадках: за что?

Признаться, я тоже растерялась. Мне казалось, что я старательно разыгрываю роль подруги детства, но, выходит, мои хитрости его вовсе не обманули. Я могла бы ответить, что Кешка спятил, и Толик вместе с ним, но вместо этого кивнула:

– Не знаю, что происходит. Он безумно меня раздражает. Я пытаюсь видеть в нем хорошее, а натыкаюсь на всякую дрянь.

Настя испуганно переводила взгляд с меня на Толика:

– Ребята, ребята, нам просто надо прийти в себя…

– Да, – кивнула я и повторила: – Да.

Не знаю, куда бы завел нас этот разговор, если бы не звонок на мобильный Толика. Начальные такты аргентинского танго прозвучали очень громко, Толик поспешно достал телефон из кармана, взглянул на дисплей и ответил:

– Привет. – Физиономия его расплылась в улыбке, и я решила, что звонит девушка. Та же мысль пришла в голову Насте, потому что она заговорщицки мне подмигнула, кивнув на Толика. – Сижу в кафе с двумя красавицами, – между тем продолжал говорить наш друг. – Если хочешь, приезжай, тебя ждет сюрприз. Конечно, приятный. – Толик сообщил, где мы, и отложил мобильный в сторону.

– Кто это? – с интересом спросила Настя.

– Мартин.

– О, моя большая любовь! – завопила она. – Он приедет?

– Сказал, будет минут через пятнадцать.

– Сейчас ты увидишь нечто сногсшибательное, – хихикнула подруга, ткнув меня в бок. – Держи свое сердечко на замке, не то запросто его лишишься.

– Ну уж нет, – засмеялась я. – Хватит с него одной влюбленной дуры.

– Ты просто его еще не видела. Подожди немного, прежде чем записывать меня в дуры.

– Я его не видела, а уже терпеть не могу, – покачала я головой.

– Зато у него к тебе большой интерес, – усмехнулся Толик.

– С какой стати? – удивилась я.

Ответила мне Настя:

– Должно быть, наш Толик с таким восторгом говорил о твоих достоинствах, что Мартин успел влюбиться. Ужас как романтично.

– Он видел тебя на фотографиях, – кивнул Толик. – И этого оказалось достаточно, чтобы парень съехал с катушек. Уже полгода мечтает с тобой познакомиться.

– Полгода? Мне ты об этом не говорил, – покачала головой Настя.

– Зачем же сыпать соль на раны? Ты так на него смотришь, что у меня появляются опасения.

– Да? И какие же?

– Пополнишь ряды дурех, которые спят и видят себя в объятиях нашего красавца.

– Так и есть, – кивнула Настя. – Сплю и вижу. Но он упорно нос воротит. Я тут голову ломаю, чем нехороша, а, оказывается, все просто: он запал на нашу принцессу.

– Не надоело вам дурака валять? – полюбопытствовала я. – Хороши друзья…

– Между прочим, он отличный парень, – с серьезным видом заговорил Толик. – А то, что девушки испытывают к нему интерес… он, кстати, совсем этим не злоупотребляет. Мне кажется, их внимание его даже тяготит. В общем, он отличный парень, – повторил Толик.

– Не могу не согласиться, – кивнула Настя. – И парень отличный, и женским вниманием тяготится. Девки виснут, а он уворачивается. Причем делает это ловко, стараясь никого не обидеть. То, что он в меня влюбляться не желает, большое свинство, но если он запал на Белку, это извинительно.

Тут Настя замерла на мгновение, потом быстро поправила прическу и широко улыбнулась. Стало ясно, что объект ее восторгов уже здесь, я с любопытством повернула голову. К нам направлялся высокий светловолосый парень, на вид ему было лет двадцать семь. Он издали помахал нам рукой и улыбнулся. Первой моей мыслью было «ничего особенного», но я не поверила самой себе. Может, он и не был столь ослепительно красив, как на то намекала Настя, но обаяния у него не отнимешь. В таких типов девушки и вправду влюбляются с первого взгляда. Наш Толик, до той поры бывший для меня эталоном мужских достоинств, заметно потускнел и в два счета мог лишиться своего титула «Мистер Самое То». Ладно, оставим Толику его титул, а для этого подберем еще какой-нибудь. И дружба будет спасена. Между тем Мартин поздоровался, чмокнул Настю в щеку, пожал руку приподнявшемуся со стула Толику, все это время косясь на меня.

– Вот, знакомься, – с трудом сдерживая смех, сказала Настя. – Это наша Белка. А это наш Казанова.

– Чушь какая, – вроде бы обиделся Мартин. – Вы подругу не слушайте, я скромный парень с заниженной самооценкой. При виде красивых девушек робею и теряю дар речи. – Он протянул мне руку, и я ее пожала. Ладонь у него была широкая, с длинными пальцами, взгляд поневоле задержался на них, и в голову полезли непрошеные мысли, которые я сочла неприличными. Оттого, наверное, и покраснела, что не укрылось от внимания друзей.

– Что я говорила? – чуть не взвизгнула Настя.

– Перед вашим приходом мы спорили, влюблюсь я с первого взгляда или дождусь второго, – стараясь говорить непринужденно, сообщила я.

– И как? – заинтересовался он.

– Сама толком не знаю. Слишком много впечатлений.

– Вы не спешите, приглядитесь как следует. У меня есть масса достоинств. К примеру, только золотой характер не позволил мне свернуть шею этому типу, – смеясь, кивнул он на Толика. – Я полгода просил нас познакомить, уговаривал его поехать в Питер на выходные, но он делами отговаривался. А в действительности сам влюблен в вас по уши, вот и не терпит конкурентов.

– А я и не отказываюсь, – усмехнулся Толик.

– В жизни вы куда красивее, чем на фотографии, – с чувством произнес Мартин, а я терялась в догадках: он дурака валяет или нет? А если нет, может ли такой парень влюбиться, наслушавшись чужих рассказов и пару раз взглянув на фото? Да и что такого интересного было в этих рассказах? Я продолжала разглядывать Мартина, а он разглядывал меня.

«Как же хорош», – некстати подумала я и опять покраснела, уверенная, что он догадался о моих мыслях.

– Толик сказал, что вы были в Испании? – обращаясь ко мне, спросил Мартин.

– Да, у родственников.

– У меня там друзья живут, недалеко от Малаги.

– Серьезно? Мои родственники как раз из тех мест.

– В следующий раз непременно вместе поедем, – кивнул он. – Я вам такие места покажу…

– Эй, – позвала Настя. – Вы тут не одни.

– Извини, милая, – Мартин потрепал ее по руке. – Сейчас в Испании, должно быть, жарко, – вновь повернулся он ко мне, и через пять минут стало ясно, что о словах Насти он успел забыть. В общем, в ближайшие полчаса он засыпал меня вопросами, а я на них отвечала, увлекаясь все больше и больше, не столько разговором, сколько тем, что было у меня перед глазами.

Манера Мартина откидывать волосы со лба ладонью казалась мне необыкновенно милой, в этом было что-то мальчишеское, как и в его улыбке. Если быть честной, мне все в нем нравилось, хотя признаваться в этом я не спешила. Пополнять ряды его воздыхательниц не хотелось, но я подозревала: это лишь вопрос времени, оттого, наверное, то и дело срывалась на язвительность. Мартин, казалось, вовсе этого не замечал, продолжая расточать улыбки. Он был сама доброжелательность, так что в конце концов я почувствовала угрызения совести и начала обращаться к нему преувеличенно дружески. Через час, окончательно запутавшись в своих словах и чувствах, я взглянула на часы и сказала:

– Мне пора.

– Куда это? – спросила Настя, наблюдавшая все это время за нами с насмешливой улыбкой.

– Обещала дяде вернуться пораньше.

– Я тебя отвезу, – предложил Мартин. К тому моменту мы плавно перешли на «ты».

– Спасибо, нам с Настей надо еще в магазин заехать. – Выдумка была так себе, я испугалась, что подруга непременно что-нибудь съязвит по этому поводу или откажется ехать, а я опять покраснею. На счастье, Настя молча кивнула.

– Я могу тебе позвонить? – спросил Мартин.

– Да, конечно, – ответила я и продиктовала номер.

Он подозвал официанта, расплатился, не слушая возражений Толика, и мы все вместе направились к выходу. Почти у самых дверей стояла спортивная машина ярко-красного цвета, и я сразу же решила: на ней Мартин и приехал. И, разумеется, оказалась права. Настина машина стояла в переулке, мы стали прощаться, а Мартин вдруг сказал:

– Подождите минуту. – И бросился через дорогу, наплевав на светофор.

– Сумасшедший, – покачала головой Настя.

На той стороне улицы был цветочный магазин, туда он и отправился и вскоре скрылся за его дверями, потом знакомая футболка мелькнула в окне.

– Парень безумствует, – заметил Толик.

– Подумаешь, безумство, подарить девушке цветы, – отмахнулась Настя. – Только бы под машину не угодил.

Наконец Мартин вновь появился, на сей раз с охапкой цветов в руке. Сунул букет роз Насте и второй букет вручил мне с дурашливым поклоном.

– Не успел спросить, какие цветы тебе нравятся, – словно извиняясь, сказал он.

– Ты угадал, – усмехнулась подружка. – Она обожает орхидеи.

– В самом деле? Мне они тоже нравятся.

– Спасибо, – кивнула я и сунула нос в букет, не зная, что еще сказать, и досадуя, что веду себя по-дурацки. Такое впечатление, что мне раньше никто цветов не дарил.

– Ладно, мы поехали, – пришла мне на помощь Настя.

Я кивнула на прощание, и мы торопливо направились в переулок.

– Ну что? – свернув за угол, спросила подруга. – Только не говори, что он тебе не понравился. Все равно не поверю. Жаль, что обольщал он тебя.

– Я ничего не сделала, чтобы привлечь его внимание, – заметила я виновато.

– Ты у меня его не отбивала, потому что он никогда моим не был. Так что оставь угрызения совести до следующего раза.

– Все равно как-то по-дурацки получилось.

– Ничего подобного. Я рада, что ты произвела на него впечатление. Все лучше, чем какая-нибудь стервозная дамочка, которую я знать не знаю.

– Давно они с Толиком знакомы?

– Примерно год. До этого пересекались по делам. У Мартина бизнес, что-то связанное с противопожарной безопасностью. Сначала они просто перезванивались, потом стали встречаться вне работы. Потом он познакомил нас с ним.

– Слушай, а почему ты раньше мне о нем не рассказывала?

– Хвалиться было нечем, подруга, – вздохнула Настя. – Все думала, может, удача улыбнется, тогда и поведаю тебе о своем счастье во всех подробностях.

Я собиралась сесть в машину, когда почувствовала чей-то настойчивый взгляд, оглянулась и в окне магазина напротив увидела знакомую фигуру. Парень поспешно отошел от окна, не желая, чтобы его видели.

– Кешка, – сказала я, положив цветы на заднее сиденье и устраиваясь рядом с Настей.

– Кешка? Где?

– В магазине напротив.

– Что он там делает?

– Понятия не имею.

– С головой у него проблемы. Обиделся, ушел, а теперь по магазинам болтается.

– Мне кажется, он наблюдал за нами.

– Наблюдал? – Настя покачала головой и завела мотор.

Дяди Левы дома не оказалось. Я приготовила ужин и позвонила ему. Узнав, что он вернется поздно, прихватила Кешкину книгу и отправилась в комнату, которую с детства считала своей. Устроилась на диване и пробежала первую страницу, дальше этого не пошло. Сунув подушку за спину, я разглядывала потолок и думала о Мартине. Вспоминала наш разговор, сетуя на то, что мои ответы были недостаточно остроумными. По одному этому стало ясно: встреча произвела на меня впечатление. Вот тут и зазвонил мобильный. Я схватила телефон, уверенная, что звонит Мартин. Так и оказалось.

– Чем занимаешься? – весело спросил он.

– Читаю.

– Не очень-то подходящее занятие для красивой девушки. Я буду возле твоего дома через пять минут. Если честно, я уже стою у подъезда.

– Адрес Толик дал?

– Конечно. Ну так что?

– Давай в другой раз, – с трудом поборов искушение, ответила я.

– Книжка интересная или моя компания не устраивает?

– На самом деле на меня напала лень, подниматься с дивана не хочется.

– Отговорка так себе. Ладно, надеюсь, в следующий раз мне повезет больше. На всякий случай сообщаю: с твоей подругой у нас дружеские отношения. Она очаровательна, но… в общем, если это приступ женской солидарности…

– Я же сказала: обычная лень.

– Могу подняться в квартиру и почитать тебе книгу вслух.

– Ты не слишком настойчив?

– Есть немного, – засмеялся он. – Я так ждал этого знакомства. Толику надоел… Он утверждал, что понравиться тебе будет нелегко, и оказался прав. Вот сижу и думаю, что бы такое совершить, чтобы ты обратила на меня внимание?

– Я только и делала, что таращилась на тебя, – засмеялась я.

– Значит, шанс у меня есть?

– Ну…

– Так не пойдет. Да или нет?

– Разумеется, да.

– В таком случае до завтра. Надеюсь, завтра ты проявишь человеколюбие, и мы увидимся.

Я опять засмеялась, отложила телефон и через пять минут уже жалела, что отказалась от встречи. Потом поздравила себя с тем, что на это хватило ума. В общем, в голове была полная сумятица.

Часа через два вернулся дядя Лева. Услышав, как хлопнула входная дверь, я вышла его встретить.

– Не спишь? – спросил он, целуя меня, чуть отстранился и сказал: – Как же ты красива. И совсем не похожа на свою мать. К счастью. Подожди-ка, ты случайно не влюбилась, а? Глаза горят, улыбка загадочная.

– До любви пока не дошло.

– Но претендент на твое сердце появился? – Я засмеялась, а он выпустил мои плечи из рук. – Боже, как я завидую молодым, – покачал головой.

– Будешь ужинать?

– Нет. Поужинал в ресторане. Ну, так кто он, расскажешь?

– Может быть. Позднее.

– Что ж, остается только ждать. Уверен, этот парень тебя достоин, другой понравиться моей девочке просто не может.

– Пока скажу одно: он обаятелен. Даже более того.

– Ты меня пугаешь, – замахал руками дядя Лева. – Если о мужчине только и можно сказать, что он обаятелен…

– А что бы ты хотел услышать?

– Как минимум, что он порядочен, умен и влюблен в тебя.

– Придется присмотреться к нему получше, – кивнула я. – Вдруг удастся обнаружить все эти прекрасные качества.

– В любом случае я рад, что в твоей жизни появился мужчина. Если это и не тот единственный, которого в твоем возрасте с нетерпением ждут все девушки, так хоть, по крайней мере, он может отвлечь тебя от мрачных мыслей.

Мы к тому моменту устроились на кухне, она часто заменяла нам гостиную, я поставила чашку перед дядей Левой и налила чай себе. С детства я любила вечера, которые мы проводили вдвоем. Иногда дядя Лева что-то рассказывал, иногда я. Чаще всего разговоры были самыми обыкновенными и не оставались в памяти, но для меня от этого они не становились менее значимыми. Может, потому, что такие вечера выдавались не так часто, как мне бы того хотелось.

Когда-то дядя Лева руководил тем самым НИИ, где работал мой отец, потом ушел в бизнес. Заработанные деньги помогли ему вернуться к занятиям наукой в новом качестве: теперь он внедрял свои изобретения на производстве, иногда успешно, иногда не очень. Носился по стране, писал работы о недоступных моему пониманию вещах или читал лекции. Когда он все это успевал, загадка, но в одном я не сомневалась: дядя Лева счастлив, и даже тот факт, что в шестьдесят лет у него нет семьи и детей, законных или не очень, а его связи с женщинами носят мимолетный характер, вовсе не делал его менее счастливым.

– Наследница есть, – обычно говорил он, имея в виду меня. – Значит, есть кому деньги оставить, а ты уж распорядись ими по своему разумению.

Дядя Лева всегда считал, что заменить мне родителей не в состоянии, о чем часто говорил с большой грустью. Может быть, оно и так, но собственное детство я вспоминала как счастливое время, хотя родителей совсем не помню. А дядя Лева, несмотря на свои сомнения, смог-таки заменить мне семью, став наставником и другом одновременно, по крайней мере, сиротой я себя никогда не чувствовала.

Привыкнув жить один, он прекрасно справлялся со всей домашней работой, к чему и меня быстро приучил. Правда, мысль о том, что он воспитывает девочку, заводила его временами довольно далеко. Я помнила, как мы увлеченно закатывали банки с соленьями, которые потом раздавали знакомым. Знакомые в особый восторг от этого не приходили, и дядя Лева с заготовками покончил. На следующий год он пытался приохотить меня к вязанию, но уже через месяц согласился, что это дурацкая трата времени. Поразмыслив на тему «особенности воспитания юной девушки», он привел меня в школу искусств и более не экспериментировал. Никогда не отказывался от помощи испанских родственников и отправлял меня к ним на каникулы.

– Пожить в семье тебе очень полезно, – говорил он в таких случаях. Подозреваю, была еще причина: для одиночки, которым он по сути своей был, постоянное присутствие в квартире жизнерадостного и очень деятельного чада было испытанием и требовало время от времени передышки.

Дядя Лева пил чай и поглядывал на меня, ожидая продолжения разговора, хотя мы вроде бы и решили его отложить. Я подумала, может, стоит рассказать о Мартине, потом подумала, а что, собственно, рассказывать, и в результате задала вопрос, который к этой теме отношения совершенно не имел, но внезапно пришел в голову:

– Дядя Лева, почему мы с тобой никогда не говорим о моих родителях?

Он отставил чашку в сторону, нахмурился и так тяжело вздохнул, как будто намеревался открыть мне страшную тайну, хотя в наличие таковой я не очень-то верила.

– Сначала я молчал, потому что не хотел тебя волновать, потом мне казалось, что этого не хочешь ты. По крайней мере, я не помню, чтобы ты заваливала меня вопросами о них. Если не

считать совсем детских: какие платья предпочитала твоя мама, какие духи и какую прическу? Ответить на них мне было непросто, не очень-то я разбираюсь в прическах, и что носила твоя мама, попросту не помню, а уж духи – это вообще из другой жизни. Ты сочла мои познания никуда не годными и с вопросами обращалась все реже.

– Ты сказал, что я не похожа на маму. К счастью.

– Да, сказал, – вновь вздохнул он. – Видишь ли, твои родители были очень разными людьми, такими разными, что я до сих пор удивляюсь, как они смогли прожить пятнадцать лет в любви и согласии. Твой отец был жизнерадостным человеком, легким в общении, у него было потрясающее чувство юмора и умение ладить с самыми разными людьми. Думаю, этот талант очень пригодился ему в семейной жизни.

– У мамы был несносный характер? – улыбнулась я.

– Я бы так не сказал, – очень серьезно ответил дядя Лева. – Дело в другом. Твоя мать жила в собственном мире, он был порождением семейных легенд, в которые она свято верила. Обычным людям несвойственно слишком много размышлять о природе зла, по крайней мере, до тех пор, пока они не столкнутся с ним нос к носу. Совсем другое дело твоя мать. В ее мире зло всегда было рядом, иногда приобретая самые невероятные формы. А она жила так, точно готовилась в любую минуту отразить очередную его атаку.

– Здорово смахивает на шизофрению, – заметила я.

– Если это и была шизофрения, то и она имела странную форму. Твоя мать выглядела абсолютно здоровым человеком, а я так до конца и не понял, во что она верила больше – в бога или дьявола, в добро или зло. До гибели ее сестры странности твоей матери особого беспокойства не вызывали, а вот после этого приобрели пугающий размах. Дьявол был для нее вполне материален. Твой отец даже к этому относился с юмором, как к обычной женской блажи, но я воспринял наш последний разговор с ней, вернее, ее слова, как бред сумасшедшей.

– О чем же был этот последний разговор?

– Разумеется, о дьяволе. О его, так сказать, воплощении. – Дядя Лева произнес это совершенно серьезно, чем меня, признаться, смутил.

– И что там с дьяволом? – усмехнулась я.

– Твоя мать не одобрила бы этой усмешки, – заметил он.

– Надеюсь, мама не была дьяволопоклонницей, сумасшедшей теткой, которая отправляется ночью на кладбище или варит таинственное зелье, бормоча заклинания?

– Нет-нет, напротив. Она вела с дьяволом постоянную борьбу. В отместку он являлся ей повсюду. Если домработница распускала глупые сплетни, это значило, что их ей нашептывал дьявол.

– Занятно, – кивнула я, хотя ничего занятного в этом не видела, по моему мнению, это ничуть не лучше тетки с жутким варевом.

– Не знаю, откуда она набралась этих идей, – пожал плечами дядя Лева. – Твой отец утверждал, что все дело в семейном предании, но это вызывало у меня большие сомнения. Какое, скажи на милость, предание, раз твоей бабке было восемь лет, а ее сестре четырнадцать, когда их вывезли из Испании? С моей точки зрения, ничего, кроме ужасов гражданской войны и гибели родителей, они помнить не могли. Я считал историю, которую слышал от твоей бабки, а потом и от матери, просто сказкой, придуманной несчастными сиротами, сродни тем, что дети рассказывают друг другу на ночь, пугая и других, и самих себя. И твоя мать рассказывала ее вам на ночь, как другие читают сказку о лисе и волке. Твой отец считал это нормальным, он говорил, что она это делает для того, чтобы вы не забывали о своих корнях, о славном роде, к которому принадлежали. На мой взгляд, она могла выбрать историю пооптимистичней, но он и с этим не соглашался, хотя в какой-то степени был прав. Думаю, эта легенда придавала далеко не уникальной в то жуткое время истории гибели семьи не просто трагическое, а прямо-таки вселенское звучание, позволяла чувствовать себя особенными, не такими, как все. Наверное,

для двух девчонок из детского дома это было очень важно. Когда мы гостили в Испании, я как-то завел разговор о семейном предании с твоей теткой, и она очень сухо подтвердила, что это не просто легенда, а исторический факт. И добавила без особой охоты, что история рода довольно легко прослеживается аж до пятнадцатого века. На меня это произвело большое впечатление. Что касается истории моей семьи, единственное, в чем я уверен: моего прадеда звали Иван Корн, и был он стряпчим. А тут несколько веков… Я пробовал разговорить твою тетку, но это оказалось нелегко. Одно несомненно: история многовековой давности и та, что случилась в тридцатых годах прошлого столетия, тесно переплелись в сознании твоей матери, и она искренне считала, что на нее возложена некая миссия.

– Ты меня заинтриговал. Я знаю, что бабушку с сестрой вывезли в Союз, что родители их погибли…

– Да-да, – кивнул дядя Лева. – Твой прадед был довольно богатым и, безусловно, порядочным человеком, далеким от политики, в отличие от своего двоюродного брата, для которого гражданская война явилась возможностью свести старые счеты, а заодно набить карманы. Такие личности во все времена не редкость. Они жиреют на чужой крови и горе. Твоя прабабка имела несчастье предпочесть ему твоего прадеда, а твой прадед к тому же смог приумножить состояние, оставленное ему отцом. Его братец не мог простить ему ни того, ни другого. Однажды в их имении появились вооруженные люди, командовал которыми этот тип.

– Он убил собственного брата и его жену?

– Что тебя удивляет? В гражданскую войну такое не редкость. Он не просто убил. Этого ему показалось мало. Их пытали несколько часов. Детей, твою бабушку и ее сестру, из дома успела вывести служанка. Садовник, молодой парень, спрятал их в заброшенном колодце, они сидели в темноте и слышали, как кричит их мать, а на следующий день увидели труп отца, его повесили на воротах сада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.